

Компаративистика иерархий

**СТРАНЫ БРИК:
ЭЛИТООБРАЗОВАНИЕ И ВНУТРИЭЛИТНЫЕ РАСКОЛЫ
ОТНОСИТЕЛЬНО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕНИЙ
И СКОРОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ**

О.В. Гаман-Голутвина

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД РФ*

Аннотация: *В данной статье рассматриваются особенности организации властных элит в странах БРИК. Автор выделяет ряд сходных черт в процессе модернизации государств БРИК в конце XX – начале XXI вв. и проводит подробный сравнительный политологический анализ их модернизационных стратегий.*

Ключевые слова: *БРИК, ротация и рекрутирование политических элит, внутриэлитная борьба, модернизация, модернизационные стратегии.*

Предметом рассмотрения в рамках данного текста станут особенности организации властных элит в странах БРИК. Внимание к данному феномену естественно и определено тем, что именно элиты представляют собой ключевой элемент системы управления, который играет определяющую роль в любом состоянии системы, а тем более на стадии ее существенной трансформации. Именно существенной трансформацией в государствах БРИК стали процессы модернизации в конце XX — начале XXI вв., результатом которых явилось значительное возрастание экономической мощи и политического влияния стран данной группы. Представлению об определяющей роли элит, на наш взгляд, не противоречит тот факт, что в ряде из перечисленных стран (прежде всего, Российской Федерации и Бразилии) процессы модернизации в той или иной мере частично пересекались с процессами демократизации: несмотря на действительно имевший место факт большей вовлеченности массовых групп в политику в России и Бразилии по сравнению с предшествовавшим модернизации периодом, именно элиты были и остаются субъектом принятия стратегических решений. Более, сами импульсы модернизации во всех странах группы России и Бразилии (так же, как и в КНР и Индии) были инициированы сверху.

Каковы особенности рекрутирования и ротации политических элит, позволившие им стать ключевыми акторами модернизации?

Необходимым условием валидности процедуры и результатов данного анализа является методологическое обоснование принципиальной возможности сопоставления политических элит стран БРИК: общая для сравнительной политологии проблема сравнимости обретает

особую остроту в связи с неочевидностью оснований и критериев сопоставления в данном случае.

Государства-члена по БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Не случайно о данной группе стран порой говорят, что их не объединяет ничего, кроме аббревиатуры БРИК... На наш взгляд, последнее суждение неточно: хотя автор термина [O'Neill 2003] в 2001 году не предполагал какого-либо интеграционного измерения данной группы стран, рассматривая её скорее, как список быстро развивающихся экономик, в настоящее время ясно, что БРИК — это объективная геополитическая реальность.

Можно назвать целый ряд общих для всех членов БРИК характеристик, которые включают два блока показателей. Первый характеризует статичные показатели: значительные масштабы территории (все члены группы входят в категорию наиболее обширных по территории стран мира) и населения (в этом отношении особое место занимают Китай и Индия, суммарное население которых составляет более трети населения всего мира); все члены группы обладают значимыми (хотя и различными по объёму и роли в экономическом развитии) природными ресурсами (выделяется Россия, на территории которой находятся около 30 % мировых запасов полезных ископаемых мира), что даёт основание исследователям для определения данной группы стран как *стран-гигантов*.

Второй блок показателей характеризует динамику эволюции членов группы: все страны БРИК, имея средний уровень доходов на душу населения между самыми богатыми и самыми бедными государствами, демонстрируют высокую динамику догоняющего роста (темпы роста ВВП равны или превосходят среднемировые), осуществляют масштабные институциональные и структурные преобразования, способствующие их активному включению в мирохозяйственные связи (глобальные ТНК осваивают рынки стран БРИК, а местные компании выходят на внешний рынок), обладают значительным потенциалом роста в средне- и долгосрочной перспективе [Vercueil 2011: 9–10].

Как правило, всех членов группы относят к категории стран догоняющего развития, приступивших на исходе XX в. к осуществлению масштабных модернизационных преобразований и настойчиво стремящихся преодолеть периферийный статус, нарастить свое политическое влияние в мировой международной системе и стать полноценными субъектами мировой политики первого ряда (в случае России — сохранить политическое влияние). Правда, реформы в Китае начались в конце 1970-х гг., а в Индии, Бразилии, России — в начале 1990-х гг., хотя процессы демократизации в последних двух случаях начались в 1985 г. в условиях разнонаправленных тенденций: в Бразилии имел место экономический рост — в течение 1970–80 гг. ВВП Бразилии увеличился на 50 %, причём этот рост был достигнут в условиях режима военной диктатуры). В СССР, несмотря на политическую модернизацию (демократизацию), имело место замедление темпов развития.

Таким образом, применительно к странам БРИК уместно говорить о переплетении военных, политических, экономических и культурных факторов. Именно такой случай представляет собой БРИК, группа, в которой страны дополняют друг друга, позволяя системе приобрести качества ранее недоступные отдельным членам, и, следовательно, выйти на принципиально иной уровень, уровень глобального центра силы.

Полагаем, что рассмотрение соотношения «веса» каждой из стран внутри группы БРИК может подсказать логику анализа их политических элит.

Наиболее динамично развивающейся экономикой из стран БРИК является Китай, который по совокупному национальному богатству в долларовом выражении, при учёте нынешних темпов развития, к 2020 году может выйти на второе место в мире. Уже сейчас Китай по

объёму ВВП располагается на втором месте в мире. Учитывая чрезвычайно дешёвые человеческий ресурс и общую невысокую стоимость жизни, экономика Китая уже к середине века будет крупнейшей в плане потребления. Примерно к этому времени Китай может достичь по уровню дохода на душу населения уровня развитых стран (в том числе за счёт внешней торговли, объём которой, подкрепляемый протекционистскими мерами, с 2002 года в среднем увеличиваются на 20% ежегодно).¹ Следует упомянуть так же ещё один немаловажный сюжет — укрепление банковской системы Китая и накопление им колоссальных валютных резервов. С учётом коммерческих банков КНР и Гонг-Конга валютные резервы составляют более половины всех циркулирующих за пределами США активов. Народный Банк Китая является одним из основных инвесторов в ценные бумаги США. Это может означать, что курс доллара будет во многом зависеть от экономической политики данного региона.² Также с некоторых пор Китай стоит на первом месте среди стран, с которыми США имеют дефицит торгового баланса США, который в 2006 г. приблизился к 100 % отметке и составил порядка 30 % от всего торгового дефицита США.

К экономической составляющей добавляется постепенно усиливающаяся военная и научная мощь государства. В Китае стремительно растёт количество защищённых докторских диссертаций³ и одновременно сокращается количество аспирантов защитивших докторские диссертации в США. Данный факт свидетельствует об успешном противодействии «утечке умов» и накоплении серьёзного научно-исследовательского потенциала. Так же не стоит забывать, что Китай является легитимным обладателем ядерного оружия, располагает средствами его доставки, а с 2003 года ещё и собственным космическим комплексом⁴. Ко всему прочему Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН, что позволяет ему играть важную роль на мировой арене.

Одновременно с Китаем восходит звезда другой древнейшей цивилизации — Индии. Уже к 2020 году экономика Индии будет сопоставима с экономикой крупных европейских стран, при этом весьма вероятны более высокие темпы роста в сравнении со своими азиатскими соседями, в том числе при удачном стечении обстоятельств Индия способна развиваться даже быстрее Китая. При сохранении среднегодового темпа роста в 6.2 % в ближайшие несколько десятилетий вполне вероятен выход на третье место в мире по уровню ВВП.

При сохранении существующих тенденций развития, объём экономики Индии уже к 2025 может достигнет 60 % объёма экономики США. Весьма выгодное положение занимает государство и среди стран группы БРИК. Данный факт объясняется большим резервом трудоспособного населения Индии, и тем, что его средний возраст снижается незначительно.

На данный момент по объёму золотовалютных резервов Индии занимает 5 место в мире после КНР, Японии, Евросоюза и России. Успехи Индии не прошли незамеченными. Так аналитики Goldman Sachs в отчете «India's Rising Growth Potential» отметили что влияние Индии на мировую экономику следует пересмотреть, с учётом новых факторов её развития⁵. В отчёте отмечаются общий тренд на модернизацию, урбанизацию⁶, наращивание научного потенциала. Для этого власти организовали практически с нуля вторую в мире IT-индустрию в окрестностях города Бангалор, сопроводив данное решение введением фактически оффшорных зон.

¹ по данным РИА Новости <http://www.rian.ru/ric/news/20070412/63545432.html>

² инвестиционный банк Goldman Sachs <http://www2.goldmansachs.com/careers/index.html>

³ в Китае число защищённых докторских диссертаций с 1986 г. по 1999 г. увеличилась на 5400%. http://www.chelt.ru/2008/4-08/supyuan_408.html

⁴ 16 октября 2003 г http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/sci/tech/newsid_3192000/3192698.stm

⁵ http://www.usindiafriendship.net/viewpoints1/Indias_Rising_Growth_Potential.pdf

⁶ В Индии расположено более трети крупнейших городских агломераций, население которых должно увеличиться ещё на 700 миллионов человека к 2050 году. см там же.

В дополнение к вышесказанному, Индия является обладателем ядерного оружия и не входит в систему договоров по нераспространению. Так же в последнее время активизировались программы по наращиванию вооружений, в рамках которых Индия успешно взаимодействует с Россией.

Третьим звеном группы БРИК является Бразилия. Эта страна, возможно, наиболее неоднозначно оценивается большинством аналитиков. С одной стороны это государство с уровнем ВВП в более 2 триллионов по ППС занимает 9–10 место по величине экономики⁷. По величине золотовалютных резервов (более 200 млрд. долларов) Бразилия находится на 7 месте в мире. С другой стороны темпы развития Бразилии и как следствие инвестиционная привлекательность находится на последнем месте среди стран группы БРИК. Бразилия по подсчётам независимых экспертов, несмотря на рост капитализации рынка, уступает Мексике, которая по совокупным показателям стабильности и роста вплотную приближается к России⁸.

Несмотря на указанные сомнения, Бразилия остаётся самой развитой страной латиноамериканского региона, с наиболее диверсифицированной экономикой и высоким потенциалом. Бразилия обладает достаточным количеством трудовых и природных ресурсов, крупным промышленным и банковским сектором, является основой экономического объединения Меркосур и в целом претендует на роль регионального лидера, к тому же активно лоббирует реформу ООН, с тем, чтобы войти в Совет Безопасности на правах постоянного члена.

В последние годы в Бразилии активно растёт наукоемкое производство, осваиваются спутниковые технологии. Бразилия активно сотрудничает с Россией в осуществлении космической программы (прежде всего в области консультирования научного персонала, и модернизации ракетоносителей), потенциально готова к использованию российской спутниковой системы ГЛОНАС. К приобретению ядерного потенциала страна не стремится.

Исходя из приведённых данных, очевидно, что страны БРИК обладают достаточным экономическим, военным, демографическим и научно-техническим потенциалом для успешной конкуренции с ведущими западными экономиками и прежде всего США. Осталось ответить на последний, возможно наиболее важный вопрос: каково место современной России в этой группировке?

Изначально в момент конструирования термина, и вплоть до начала кризиса 2008–2009 гг. объективность включения России в группу БРИК вопросов не вызывала. С 1998 года средние темпы роста ВВП составляли более 6.7 % в год, средний прирост инвестиций на 10 % в год, удалось справиться с инфляцией⁹. К августу 2008 года федеральные резервы составили внушительную величину практически в 600 млрд. долларов.¹⁰ Экономическую эйфорию поддерживал небывалый рост цен на нефть, выросший с менее, чем 50 долларов за баррель в 2006 году, до более 120 долларов в середине 2008. Пиковые же значения колебаний на мировой финансовой бирже достигали 140 долларов за баррель¹¹.

Однако по итогам кризиса 2008–2009 гг. позиции России как в мировом масштабе, так и в рамках группы БРИК несколько ослабели, снизились темпы роста¹², была израсходована значительная часть федеральных резервов¹³. Свой отпечаток накладывает и падение цен на

⁷ по данным МВФ <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/01/weodata/weorept.aspx?sy=2008&ey=2008&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=213%2C223%2C299&s=NGDPD%2CNGDPDPC&grp=0&a=&pr.x=27&pr.y=10>

⁸ по данным «РБК daily» <http://www.rbcdaily.ru/2008/07/10/focus/360027>

⁹ по данным CIA <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

¹⁰ по данным Bloomberg.com <http://www.bloomberg.com/apps/cbuilder?ticker1=RUREFEG%3AIND>

¹¹ см. например Google.finance <http://www.google.com/finance?q=LON%3AOILB>

¹² по данным CIA <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

¹³ по данным Bloomberg.com <http://www.bloomberg.com/apps/cbuilder?ticker1=RUREFEG%3AIND>

нефть до уровня двухлетней давности, которая привела к необходимости пересчёта доходной части бюджета.

В условиях мирового кризиса 2008–2009 гг. отечественная экономика продемонстрировала крайнюю уязвимость и неустойчивость. По сопоставимым данным Международного валютного фонда, рост ВВП в 2008 году на уровне 5,6 % сменился в России в этом году падением с темпом 6,5 %. Другими словами, относительный спад превысил в России минус 12 %, что является абсолютным мировым рекордом для крупных экономик. Для сравнения: в США относительный спад составляет всего минус 3,7 %, в Китае — 1,5 %, в Индии — 1,9 %. В еврозоне относительный спад составляет минус 6,5 %, в Бразилии — 6,4 %, а в странах СНГ (за исключением России) — минус 9,3 %. Другими словами, в мире нет ни одной крупной экономики, которая могла бы сравниться с Россией по темпам падения после начала кризиса [Сергеев 2009].

Некоторые рейтинговые агентства поспешили сделать из сложившейся ситуации довольно резкие выводы вплоть до отделения России и Бразилии от Китая и Индии в прогнозировании развития мирового хозяйства.¹⁴ Однако аналитики не учли всего комплекса сложившихся связей между государствами группы и сильного потенциала входящих в него экономик. Несмотря на значительные расходы федеральных резервов, серьёзный кризис удалось преодолеть, не была допущена дезорганизация банковской системы, с помощью плавной девальвации рубля повысилась конкурентоспособность российских экспортных предприятий. К тому же мировой кризис повлиял не только на Российскую Федерацию, относительный спад почувствовали все серьёзные мировые игроки. Соединенным Штатам не оставалось иного выхода кроме выкупа государством просроченных долговых обязательств крупнейших инвестиционных банков страны.

Вместе с тем Российская Федерация по-прежнему сохраняет 7 место по совокупному объёму экономики в мире, она располагается на 4 месте по уровню золотовалютных резервов, на 3 месте по уровню инвестиционной привлекательности из всех развивающихся экономик. Немаловажен и военный аспект: Россия обладает одним из крупнейших ядерных потенциалов в мире, развитым военно-промышленным комплексом, космическими и спутниковыми технологиями. В данной области проводится тесное партнерство, прежде всего, со странами БРИК: совместные космические программы с Китаем и Бразилией, поставки новейшего вооружения всем странам — партнёрам, проведение совместных военных учений¹⁵. Поддержка России может оказаться весомым аргументом в обсуждении реформы ООН, и потенциально возможном расширении состава Совета Безопасности.

Таким образом, очевиден тот факт, что *по объективным показателям* Российская Федерация занимает одну из ведущих позиций в группе БРИК, и получает от сотрудничества значительные выгоды. Однако с точки зрения *соотношения, с одной стороны, стартовых позиций и потенциала модернизации, а с другой стороны, — достигнутых результатов* Россия предстаёт «слабым звеном» БРИК: стартовые условия модернизации РФ в начале 1990-х гг. были несопоставимо более сильными, чем аналогичные показатели КНР, Индии и Бразилии (о чем свидетельствует хотя бы такой показательный и «многосоставный» индикатор, как унаследованный от СССР сверхдержавный статус), однако качественные характеристики и динамизм достигнутых результатов в их относительном выражении значительно уступают партнёрам по БРИК. Это даёт основания предположить, что истоки относительной слабости

¹⁴ например агентство Standard&Poor's, по данным [rb.ru](http://www.rb.ru/topstory/economics/2009/02/05/182517.html)

¹⁵ на пример совместные учения «ИНДРА», регулярные учения российских и китайских пограничников. РИА новости http://www.rian.ru/defense_safety/20090226/163229236.html

России как развивающейся экономики определены недостаточной эффективностью субъективного фактора, то есть неэффективностью управленческой деятельности элит, чтобы провести сопоставление особенностей российской модернизации с характеристиками реализации аналогичных проектов в трех других странах БРИК для выявления истоков низкой эффективности российской модернизации в ее субъектном измерении.

Опыт модернизаций в Бразилии и России

Наибольшее число сходных черт прослеживается в случае сопоставления российского и бразильского случаев.

Бразилия, как и Россия, имеет авторитаризм в недавнем прошлом: в 1964–1985 гг. у власти в Бразилии находились установившие режим репрессивной диктатуры военные. Даже начало масштабных политико-экономических сдвигов в нашей стране России и Бразилии совпадают: в 1985 г. в СССР началась перестройка, а в Бразилии — было сформировано первое после военного режима гражданское правительство, как совпадает и время старта рыночных реформ: в обеих странах они начались в 1991–1992 гг.

Среди сближающих процессы модернизации в России и Бразилии характеристик наиболее значимыми являются следующие.

Импульсы модернизации и в России, и в Бразилии исходили сверху: и в СССР в середине 1980-х гг., и в Российской Федерации в начале 1990-х гг. инициаторами демократизации явилось высшее политическое руководство страны.

Традиционными пулами рекрутирования политических элит в Бразилии, как и в пореформенной России были государственный аппарат, региональные администрации, политические партии и общественно-политические движения, крупный бизнес — федерального и регионального уровня, университетская среда; в Бразилии до 1985 г. — важнейшим институтом рекрутирования политического руководства была армия. Достоинством существующей системы рекрутирования и ротации является режим реальной политической конкуренции, в рамках которой существенное значение имеют позиции крупного национального капитала и транснациональный бизнес. Наиболее значимыми механизмами карьерного продвижения являются конкурентные выборы, в ходе которых особое значение имеют имиджевые технологии, основанные на медиатизации имиджа лидера (примером может служить избирательная кампания 1989 г., которая принесла успех малоизвестному до того провинциальному предпринимателю Ф. Коллору); публичная политическая деятельность; общественная популярность (особенно в случае обладания харизмой, как это было с Лулой); профессиональная компетентность (как в случае Кардозу, осуществившего обуздавшего гиперинфляцию знаменитый План Реал), но также механизмы негативной селекции, как протекционизм и коррупция.

Главные черты сходства модернизационных процессов в двух странах определялись совпадающими концепциями и стратегиями модернизации: и в Бразилии, и в России начала 1990-х гг. методологической рамкой осуществления модернизации стал неолиберальный экономический курс в формате «шоковой терапии». Российские реформаторы не раз отмечали, что важнейшей целью ускоренной приватизации была не экономическая эффективность, а цели социально-политического характера, а именно: создание социальной базы новой политической власти. Как и в России начала 1990-х гг., политика «шоковой терапии» в Бразилии была продиктована установками элиты на осуществление эпохальных перемен одновременно, что воскрешает в памяти попытки Н. Хрущева построить коммунизм за двадцать лет. Эти попытки были определены западными наблюдателями как попытки «перепрыгнуть пропасть

в два прыжка», как новое издание известной из китайского опыта «политики большого скачка».

Идентичными в обеих странах были и методы реализации «шоковой терапии» — преимущественно директивными авторитарными методами (в случае России достаточно упомянуть расстрел в Москве в октябре 1993 г. здания отечественного парламента, депутаты которого, реагируя на потребности массовых групп в смягчении последствий радикальных экономических реформ, не согласились в концепцией радикального реформирования, продвигавшегося президентом РФ Б. Ельциным). В обеих странах использование силовых методов проведения политики экономической либерализации проистекали из стремления элит осуществить демократический транзит недемократическими методами и представляли собой своего рода «большой скачок», что «весьма показательно для обществ, не имевших длительного демократического опыта и характеризовавшихся сильной традиционалистской установкой», отмечает известный российский исследователь-бразилианист Л.С. Окунева [Окунева 2008: 347].

Предсказуемо *совпали в обеих странах и результаты «шоковой терапии»*: в ходе проводившейся президентом Ф. Коллором в 1991–1992 гг. масштабной и форсированной политики «шоковой терапии» стало резкое усиление социальной поляризации, увеличение доли традиционно бедных и появление феномена «новых бедных», маргинализации целых социальных слоёв и пауперизация ряда социальных групп, численное увеличение категории «социально исключённых» (беднейших из беднейших). Эта политика ущемляла экономические интересы не только массовых бедных групп, но также средних слоёв, включая предпринимателей. Если учесть, что удельный вес живущих за чертой бедности в Бразилии колеблется между 40 % и 60 % (в зависимости от методики подсчёта), то ущемление интересов средних слоёв привело к значительному сужению социальной базы режима, политической дестабилизации, переформатированию внутриэлитных отношений и резкому их обострению.

Осуществление рыночных реформ усилило размежевания в среде и бразильских, и российских элит. Линии элитных расколов в обеих странах были разнообразными; большинство их в двух странах совпадали. Прежде всего, это раскол по линии ветвей власти. В России этим конфликтом было отмечено начало 1990-х гг. В Бразилии выражением усиления этого раскола стал при президенте Ф. Коллоре конфликт исполнительной и законодательной ветвями власти — президента и парламента: «Правительство и парламента превратились в два конфронтационных лагеря: президент правил с помощью актов временного действия («декрет-законов»), а Конгресс при любом удобном случае налагал на них вето [там же: 348].

Данный конфликт стал не последним по значимости обстоятельством, способствовавшим импичменту президента Ф. Коллора: в сентябре 1992 г. 441 депутат при 38 голосах «против» проголосовали за отстранение Коллора от власти. И хотя главной причиной импичмента были коррупционные обвинения — за два с половиной года у власти Коллор и его ближайшее окружение погрязли в коррупции, факты которой были публично доказаны, — предшествовавшие коррупционному скандалу конфликты в отношениях президента и парламента не способствовали политическому выживанию Коллора.

Конфликт президента и парламента в России был ещё более острым и завершился, как было отмечено выше, расстрелом здания парламента.

Другим значимым расколом внутри бразильских элит, как и в России, стала линия центр-регионы. Правда, есть и отличие: в России усиление влияние региональных лидеров носило кратковременный характер (оно существенно возросло в 1990-е гг., что стало уникальной особенностью данного периода: исторически российское государство было централизованным): уже в начале 2000-х гг. центральная власть вернула себе утраченный было приоритет в отношениях с региональными руководителями. В Бразилии значительные на протя-

жении всего XX в. обширные полномочия региональных властей оставались константой и были непоколебимы даже в условиях военной диктатуры. В условиях политической и экономической турбулентности 1990-х гг. влияние региональных элит ещё больше возросло и сопровождалось в Бразилии (как и в России) усилением центробежных, а порой и сепаратистских тенденций. Нередкими были открытые конфликты региональных и федеральных властей, причём эти конфликты обретали такую остроту, что региональные руководители (а иногда и муниципальные власти) говорили с центром исключительно посредством ультиматумов, что способствовало повышению их популярности в своих провинциях и городах, но де-стабилизировало политическую ситуацию в стране. Наиболее значимым проявлением раскола элит по линии центр-регионы в Бразилии стал возникший в январе 1999 г. конфликт между губернатором штата Минас-Жерайс И. Франку и федеральным правительством, когда губернатор приостановил выплату налоговых платежей федеральному центру. Этот конфликт не только вызвал серьёзный экономический кризис внутри страны, но даже вышел за ее пределы, вызвав международный финансовый кризис. В России наиболее острым проявлением противостояния региональных и федеральных властей стал конфликт в Чечне, вылившийся в две полноценные военные кампании¹⁶. Таким образом, в России конфликт уровней власти — как и противостояние ветвей власти — также сопровождался использованием военной силы.

В упомянутых конфликтах ветвей и уровней власти *проявились незрелость политической культуры элит обеих стран — неготовность к компромиссу и неразвитость культуры диалога*. Исследователи отмечают, что в позициях бразильских парламентариев «превалировали не общенациональные, а региональные устремления, защита интересов отдельных кланов и групп, личных интересов депутатов» [там же: 374]. Аналогичной выглядит характеристика и российских депутатов. Проведённое под руководством автора этих строк исследование эволюции и персонального состава депутатского корпуса РФ в рамках общеевропейского проекта «Парламентское представительство в Европе: рекрутирование и карьеры законодателей» [Best, Cotta 2000, 2007; Gaman-Golutvina; Semenova, Edinger and Best 2014] показало, что соотношение национальных, региональных и личных интересов в законотворческой деятельности не было оптимальным: личные и корпоративные интересы депутатов нередко брали верх по отношению к общенациональным [Гаман-Голутвина 2006а, 2006б]¹⁷.

Ещё одним значимым расколом в среде элит — на сей раз экономических, — который составляет сходство противоречивых процессов модернизации в России и Бразилии, стали *размежевания между национально ориентированным бизнесом и компраторскими силами*. Кроме того, в обеих странах *совпадает конфигурация факторов экономического успеха* — условием бизнес-успеха являются покровительство политического руководства: «Вместо децентрализации и создания свободной и конкурентной экономики в латиноамериканском и российском случаях сложился такой тип капитализма, когда «успех той или иной кампании всецело зависит от ее политических связей наверху», — отмечает перуанский исследователь А. Варгас [Варгас 2006: 109]. Неудивительно, что в условиях данной системы коррупция становится повседневной практикой. Причём характерно, что победить эту болезнь в Бразилии не смогли ни правые, ни левые: не только Коллор в 1992 г. был отстранён от власти в результате коррупционного скандала, но и в период президентства Лулы неоднократно вспыхивали коррупционные скандалы (в 2004 г. разгорелось «дело Валдомиру», затронувшее влия-

¹⁶ Впрочем, чеченские войны не правомерно рассматривать только как противостояние центра и регионов: конфигурация конфликтов и коалиций имела более сложные траектории.

¹⁷ Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Гаман-Голутвина О., Пляйс Я., отв. ред. Парламентаризм в России и Германии: История и современность — М.: Росспэн, 2006; Гаман-Голутвина О. Российский парламентаризм: историческая традиция и персональный состав депутатского корпуса // ПОЛИС. 2006. № 2–3.

тельные фигуры правительства Лулы; в 2005–06 гг. коррупционные скандалы относительно привлечения голосов оппозиционных депутатов парламента посредством ежемесячных им выплат повлекли отставки ключевых политиков правительства Лулы). Коррупция является проявлением более общей проблемы — обширного в обеих странах неформального сектора экономики и системы теневых отношений, в том числе откровенно криминальных.

Устойчивость теневых отношений определена не в последнюю очередь рядом присущих бразильским и отечественным бизнес-элитам особенностей сознания и поведения, находящих особенно заметное отражение в их поведении в периоды кризисов. В частности, исследователи бразильского опыта фиксируют феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры», которые означает «возможность процветать не за счёт предпринимательского риска, производственных инвестиций, а за счёт манипулирования обусловленной высокой инфляцией разницей в курсах валют, за счёт биржевых спекуляций, игры на финансовой неразберихе» [Окунева 2008: 374–375]. Аналогичные явления имели место в России в 1992–1994 гг., 1998 г., 2008–2009 гг. В частности, в 2008–2009 гг. наибольшие суммы бюджетных средств были выделены правительством РФ для спасения отечественной банковской системы, тогда как средства для поддержки реального сектора экономики были несопоставимо более скромными. Но даже эти ограниченные средства не доходили до реальных предприятий — они использовались банками для игры на финансовом рынке. Таким образом, феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры» равно характерны и для Бразилии, и для России. Можно предположить, что феномены «инфляционистского сознания» и «инфляционистской культуры» являются элементами более общей проблемы, а именно — неразвитости политического сознания и политической культуры экономического класса, всецело зацикленного на узкопартикулярных сиюминутных интересах и «коротких» целях. И в этом видится существенный ограничитель полноценных процессов модернизации и демократизации в обеих странах.

Но главный раскол в среде бразильских элит — *это раскол относительно повестки модернизации, ее приоритетов и направлений, а также по вопросу соотношения модернизации и демократизации*. Данные расколы имели формат вызова: возможно ли совмещение неоллиберальной политики с реализацией активной социальной политикой? Поскольку в качестве главного инструмента смягчения негативных последствий неоллиберального курса рассматривалось государство, это определило смещение в центр общественных дискуссий вопроса о роли государства в условиях глобализации, о трансформации его полномочий и функций, о роли в процессах модернизации и демократизации, о конфигурации способствующего модернизации политического режима.

Подчеркнём специфическую конфигурацию данного раскола. Как известно, в Бразилии, как и в большинстве стран региона, размежевание между правыми и левыми флангами политического спектра является одной из наиболее значимых демаркационных линий, что определено наличием мощных левых сил: не случайно на рубеже XX и XXI в Латинской Америке произошёл знаменитый «левый поворот». Раскол в бразильских элитах не повторяет буквально раскол между правыми и левыми, он сложнее: так, придя к власти, Лула не смог отказаться от проведения экономического курса, близкого по содержанию к тому, что проводил его предшественник у власти Кардозу. Известный отечественный исследователь-бразилианист Л. Окунева называет это «драмой левых у власти»: придя к власти, убеждённый сторонник левых идей Лула вынужден был проводить политику, не вписывающуюся в каноны левых экономических теорий.

Различные лидеры страны давали отличные ответы на эти «проклятые» вопросы бразильской модернизации. Если Ф. Коллор (1989–1992) делал упор на приватизацию, монетарные реформы в экономике и переход от политики импортозамещения к политике привлече-

ния иностранных инвестиций, то Ф.Э. Кардозу уделял первостепенное внимание жизненно необходимому в условиях гиперинфляции (ее уровень в начале 1991–1992 гг. составлял 15–20 % в месяц, а в 1993 г. достиг годовой отметки в 2600 % [Vercueil 2011: 82]) оздоровлению финансовой системы (введение в действие в 1994 г. ещё в бытность министром финансов «Плана Реал»), интеграции Бразилии в глобальную финансово-экономическую систему и демократизации политической системы. Введению национальной валюты — бразильского реала — Кардозу рассматривал в качестве основного инструмента модернизации и стремился найти оптимальное баланс между проведением экономически эффективного курса и смягчением наиболее острых социальных последствий рыночных реформ. Однако в последние годы его президентства экономический либерализм стал отчетливо доминировать по отношению к социальной политике. Разочарование в этой политике массовых групп и части среднего класса открыло возможность прихода Л.И. де Силва (Лулы) на пост президента. Победа Лулы в 2002 г. после четырёх неудачных попыток (троекратного поражения в 1989, 1994 и 1998 гг. на президентских выборах и поражения 1982 г. на губернаторских выборах в штате Сан-Паулу) стала возможной в результате отторжения большинством населения курса Кардозу, в котором рыночная составляющая стала приоритетной по отношению к социальному измерению его политики. Лула стал персонификацией этого отторжения и олицетворением курса, в основе которого лежало новое сочетание сходной по содержанию с линией Кардозу экономической политики и реализация широких социальных программы, усиление регулирующих и социальных функций государства. Ликвидация нищеты, сокращение бедности, борьба с голодом и развитие образования — основные приоритеты политики Лулы, которое обеспечили ему победу на президентских выборах 2002 г. и 2006 г. Это было неудивительно в стране, порядка половины которой имело уровень жизни за чертой бедности, что определяло симпатии значительной части населения в пользу социально-ориентированного курса. Его поддержал национальный капитал, средний класс, часть интеллектуальной элиты.

Нахождение оптимального баланса между рыночными мерами и эффективной социальной политикой стало фирменным знаком правления Лулы и обеспечило успех политики модернизации на рубеже XX и XXI вв. Известный французский экономист Ж. Веркей называет это преимуществом «уровневенного развития». В данном отношении наиболее заметно проявляется действие фактора, обеспечившего успех модернизации в Бразилии. Успех модернизации стал результатом отказа руководства страны от неконтролируемого дерегулирования и способности руководства осуществлять управление модернизацией «в режиме реального времени», вовремя устраняя диспропорции, с которыми сталкиваются страны с быстро развивающейся экономикой.

Прежде всего, речь идёт о глубоком социальном неравенстве. В Бразилии при Луле за короткий срок была реформирована системы медицинского обеспечения; усилена больничная система; введена единая система бесплатного медицинского страхования, на которую расходуется 4 % госбюджета; принят федеральный закон, позволивший снизить стоимость лекарств. Были введены пособия для наиболее обездоленных семей на условиях их включения в общественные программы охвата школьным обучением, вакцинации и питания. Начали осуществляться пенсионные программы и программы строительства социального жилья. В результате в период между 1992 и 2008 гг. доля населения, находящегося на ниже черты бедности, сократилась с 35 % до 18 %. Отягощавший экономику страны с конца 1970-х гг. внешний долг был выплачен благодаря развитию внешней торговли. Привлечение иностранных инвестиций позволило осуществить программы развития ряда современных отраслей промышленности. Именно активная и гибкая управленческая политика в 2000 гг. позволила Бразилии оперативно преодолеть последствия экономического кризиса и восстановить темпы экономического роста на уровне 5 % в год уже к 2010 г. [Vercueil 2011: 84–98]

Бразильский опыт показал, что «новые правящие элиты как один из важных социальных агентов перемен, состоящие из современных, технократически обученных и мыслящих кадров, способны — при опоре на современные сектора — могут вывести экономику из кризиса, эффективно реализовать потребности ее ускоренного развития. И наоборот — неспособность элит разработать пути и формы дальнейшей эволюции на основе анализа и четкого осознания специфики бразильского опыта совместить институциональные формы государственной организации с «гетерогенным, дифференцированным и неравномерным характером социального устройства Бразилии представляла собой серьезную политическую проблему» [Окунева 2008: 352].

Если обратиться к отечественным реалиям, то можно констатировать, что в среде отечественных элит на протяжении последнего двадцатилетия также существовало (и существует) размежевание относительно стратегии модернизации: на протяжении двадцати лет сосуществовали две позиции в осуществлении политики модернизации. Приверженцы первой линии придерживаются монетарных установок, тогда как их оппоненты выступают за проведение более социально ориентированного экономического курса. Практически весь финансово-экономический блок и нынешнего состава правительства представляет собой относительно сплоченную группу сторонников данной линии. В качестве оппонентов этой политически влиятельной стратегии в разное время выступали различные силы. Так, в начале 1990-х гг. депутаты российского парламента в период острого конфликта с президентом Б. Ельциным выступали за более умеренный вариант реформ. В конце 1990-х гг. за более сбалансированное сочетание рыночных реформ с социальными программами выступали такие политики, как Е. Примаков и Ю. Лужков (который на практике в Москве стремился к проведению взвешенной социальной политики); в настоящее время к немногочисленным сторонникам данного курса можно отнести нынешнего советника президента РФ С. Глазьева. При этом практически на протяжении всего двадцатилетия в структуре российской политической элиты доминирующие позиции занимали сторонники монетарной экономической стратегии, рассматривающие финансовую стабильность в качестве главной цели стратегии модернизации.

Однако раскол относительно повестки и стратегии модернизации не был в России главной линией раскола элит: абсолютное большинство внутриэлитных конфликтов — порой ожесточенных — разгоралось не по политико-концептуальным сюжетам, но по мотивам борьбы за доступ к эксклюзивным ресурсам. Но даже в ходе сущностных конфликтах можно обнаружить элемент партикулярных интересов. Об этом свидетельствует рассмотрение наиболее значимых внутриэлитных конфликтов последнего двадцатилетия. Среди последних следует назвать следующие: в 1993 г. — конфликт президента и парламента; в 1994–1995 гг. — по поводу конфликта в Чечне; 1996 г. в ходе президентских выборов, когда из высших эшелонов власти была удалена группа Коржакова, ранее — наиболее влиятельный элитный сегмент; осенью 1998 г. после августовского дефолта; 1999 г. — серия сложносоставных внутриэлитных конфликтов, в ходе которых в мае была инициирована попытка процедура импичмента, а в декабре президент Б. Ельцин досрочно ушел в отставку.

Победивший в ходе президентских выборов В. Путин осуществил масштабное реформирование властного Олимпа посредством конфигурации «властной вертикали», что означало ликвидацию существовавших ранее автономных центров влияния. Анализ субъектного поля российской политики показывает, что после избрания В. Путина Президентом РФ в этом поле произошли существенные изменения. Ведущими субъектами российской политики при Ельцине обоснованно считались три игрока — федеральная и региональная бюрократия и крупный бизнес. Итоги избирательного цикла 2003–2004 гг. свидетельствуют, что его безусловным победителем стала центральная исполнительная власть, которая не только добилась победы над «право-левой» оппозицией с разгромным счетом, но и обеспечила себе несо-

мненное преимущество по отношению к своим «младшим партнёрам» — региональной исполнительной вертикали и бизнесу. По итогам избирательного цикла 2003–2004 года сложилась моноцентрическая политическая конструкция, центром которой является Президент Российской Федерации.

Траектория служебной и политической карьеры Путина конкретизировала адреса кадрового пула, из которого черпались кадры. Это органы КГБ и мэрия Санкт-Петербурга. Скорость карьерного продвижения В.В. Путина обусловила дефицит квалифицированных управленцев в его команде. Положение аутсайдера в среде московской и федеральной элиты (Путин прибыл в Москву с должности заместителя мэра северной столицы, и срок его работы в федеральных органах власти к моменту выдвижения на высший государственный пост не превышал трех лет), безусловное доминирование доставшихся в наследство от Ельцина кадров и стремление в условиях острой внутриэлитной борьбы опереться на надёжных и лично преданных людей определило массовый приток в федеральную политическую элиту сослуживцев Путина по работе в КГБ и питерской мэрии. Именно эти обстоятельства определили наиболее заметную тенденцию обновления политической элиты при Путине — возрастание численности бывших и действующих сотрудников военных и специальных ведомств. В этой связи следует отметить, что принципиальной новацией эта тенденция не была — вхождение силовиков во власть началось ещё при Ельцине (достаточно назвать упоминавшиеся выше фигуры А. Коржакова, М. Барсукова, П. Грачева и других, достаточно влиятельных военных ельцинской поры). Однако именно при Путине вхождение военных в структуры гражданского управления приобрело массовый характер.

Активное вхождение во власть бывших и действующих военных побудило публицистов выдвинуть тезис о формировании в путинской России нового правящего слоя — «милитократии».

Однако тезис о засилье милитократии представляется неадекватным по целому ряду причин. Во-первых, политический курс бывших военных не определяется автоматически их предшествующей профессиональной биографией. Зачастую пришедшие во власть военные, как правило, не являются лоббистами ВПК, а довольно быстро осваивают новую для себя роль лоббистов коммерческих структур. Если в США консерваторы-«ястребы» в составе администрации Дж. Буша (их политический оппонент генерал К. Пауэлл назвал их *chickenhawks* — «куриными ястребами», в связи с тем, что большинство из них не служили в армии) пролоббировали увеличение военного бюджета с 3 до 3,8 % ВВП (что составляет огромную сумму, учитывая объем ВВП США), то в РФ, несмотря на заметное присутствие «силовиков» во власти, существенного роста военных расходов произошло лишь в 2013 г.

Во-вторых, экспансия «силовиков» — лишь внешняя сторона кадровой политики Путина, не вполне адекватно отражающая изменения в источниках рекрутирования элит. По оценке экспертов, темпы вхождения во власть представителей бизнеса заметно опережают аналогичные показатели военных. Быстрый рост удельного веса предпринимателей, заметно опережающий приток бывших военных в состав элиты, определяет наиболее существенные тенденции эволюции персонального состава политической элиты в течение первого десятилетия нового века.

Таким образом, наиболее значимыми *социальными категориями* рекрутирования элиты при Путине стали военные и предприниматели. Основными *клановыми источниками* пополнения элитного пула при Путине были «семья» — наиболее могущественный элитный клан при Ельцине; сослуживцы Путина по работе в КГБ; сотрудники Путина по Санкт-Петербургской мэрии. Характер элитной ротации при Путине определялся постепенным вытеснением «семейных» ставленников за счёт расширения двух последних категорий: если в течение первого срока ключевые посты главы Администрации Президента РФ и главы Правительства РФ

занимали ельцинские кадры, то, начиная со второго президентского срока, команда Путина уже практически полностью состояла из его выдвиженцев.

При этом следует отметить значительную неоднородность питерской команды Путина. Собственно такой команды как единого целого не существует вследствие значительной разницы идеологических пристрастий, политических установок, ментальности, типа карьеры путинских выдвиженцев из Санкт-Петербурга. Эти различия определили неизбежность конфликтов не только между «семейной» и «питерской» группами, но также внутри питерского сообщества: зачастую питерские «силовики» противостоят питерским «либералам». Сосуществование различных элитных групп объясняется сосуществованием различных экономических и политических установок в политике самого Президента Российской Федерации, а сдерживающим фактором конфликтов субэлитных групп являются их подконтрольность и безусловная лояльность главе государства.

Анализ *внутренней структуры* путинской элиты обнажает черты ее сходства и различия по отношению к ельцинской. Ни в 1990-е гг., ни в настоящее время федеральный центр не был гомогенным монолитным образованием. Трансформация советской номенклатуры в постсоветскую элиту сопровождалась диверсификацией системы интересов, уровней и субъектов подготовки и принятия решений. В ельцинский период и на федеральном, и на региональном уровнях политики существовало множество центров принятия решений, каждый из которых вёл борьбу за упрочение своих позиций и расширение ресурсов влияния. Действия этих структур были часто не просто не скоординированы, но прямо противоречили друг другу. Как отмечалось выше, особенностью ельцинских кланов было сосредоточение политических и экономических ресурсов в одних руках и формирование на этой базе политико-финансовых олигополий, стремившихся обрести максимальную полноту функций и превратиться в замкнутые самодостаточные автономные образования. В конце 1990-х гг. началось образование «вертикально интегрированных» политико-финансовых структур, включавших в себя федеральных и региональных акторов (представителей органов власти, финансово-промышленных групп, политических партий и движений, СМИ). В 2000-е гг. и на федеральном уровне, и в регионах политико-административная бюрократия активно участвовала в процессах перераспределения экономического и политического влияния между административной вертикалью и крупными финансово-промышленными группами.

Традиционные для постсоветской политики глубокие внутриэлитные размежевания не исчезли, но изменили конфигурацию. В течение первого срока наиболее заметными внутриэлитными конфликтами были противоречия между «семейными» ставленниками и питерскими выдвиженцами. Характер этих конфликтов определялся борьбой за доступ к эксклюзивным ресурсам. По мере укрепления власти Путина внутриэлитные расклады стали меняться. Во-первых, тесная связь между бизнесом и властью утратила статус приоритетного основания внутриэлитной консолидации. Во-вторых, групповые противоречия были дополнены идеологическими и политическими. Наиболее значимым идеологическим основанием конфликтов стало отношение к роли государства в экономике и политике. В этом контексте очевидна дихотомия позиций государственников, выступающих за активную государственную политику, и антиэтатистов, стремящихся снизить участие государства в экономике и политике. В свою очередь, в рамках «государственного» лагеря наблюдатели выделяют приверженцев де-приватизации и неодирижистов, а в среде антиэтатистов — умеренных и радикальных противников усиления роли государства.

Таким образом, картина внутриэлитных раскладов при Путине существенно сложнее, чем при Ельцине. Эта картина многомерна, полиаспектна и характеризуется пересечением различных оснований дифференциации. Однако отличны не только основания внутриэлитной дифференциации, но также модель отношений между субэлитными группами. Знамени-

тая ельцинская система «сдержек и противовесов» была выстроена в формате «демократии беспорядка» по формуле «борьба всех против всех». Путинская «вертикаль власти» означат безусловное подчинение субэлитных групп Президенту РФ. Уже к началу второго президентского срока Путина автономия существовавших при Ельцине центров влияния (Администрация Президента РФ, Правительство РФ, Государственная Дума и Совет Федерации ФС РФ, региональные группы влияния) была ликвидирована.

Выдвижение Д. Медведева в качестве президента РФ стало проявлением подавляющего преимущества Путина как лидера государства. Взятый им на вооружение лозунг модернизации стал центральным концептуальным стержнем его президентства. Одним из результатов его президентства стало создание иннограда «Сколково». Однако пока говорить об эффективности данного проекта пока преждевременно.

Наиболее заметным конфликтом второго десятилетия стали массовые выступления осени 2011 и зимы 2012 гг. в разгар федерального избирательного цикла. Анализ данных сюжетов показывает, что наряду с концептуальными политическими противоречиями в данных выступлениях содержался также элемент внутриэлитной борьбы как выражение соперничества по поводу обретения и удержания власти. Таким образом, в наиболее значимых конфликтах двух последних десятилетий неизменно присутствовал элемент борьбы за доступ к властным позициям. Причём борьба между различными фракциями отечественной элиты носила порой столь острый характер, что предложенный автором этих строк в публикации в «Независимой газете» термин «террариум единомышленников» [Гаман-Голутвина 1999] для определения отечественного сообщества элит неожиданно для автора термина вошёл в активный оборот.

Тот факт, что в центре внутриэлитной борьбы находятся не столько вопросы стратегии развития страны, сколько борьба за доступ к ресурсам, характеризует уровень мышления, мировоззренческие установки, ценностные ориентации отечественных элит.

В контексте обсуждения сходных черт модернизации в Бразилии и России следует обратить на ещё одну неслучайную характерную особенность, аналогичную для Бразилии и России. Фирменным знаком современного латиноамериканского стиля лидерства выступает харизматический стиль, популизм. Лидерами-популистами в разное время были президент Бразилии Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем [Окунева 2008: 369]. Суть этого феномена в том, что лидеры латиноамериканских стран, будучи в большинстве случаев выходцами из высших страт общества, стремятся позиционировать себя как отцов всей нации, как лидеров «над схваткой», обращаясь напрямую, минуя партии, к народу.

Успех провинциального предпринимателя Ф. Коллора, ставшего президентом Бразилии в 1989 г., весьма характерен для обществ периода демократического транзита. Как и в России, избиратели которой интересовались не программами кандидатов, а их речами, действуя порой по принципу «обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад», в Бразилии часто достигался методами медиатизации имиджа кандидата-аутсайдера. Исследователи подчеркивают поразительное сходство стиля В. Жириновского и Ф. Коллор, которые на считанные месяцы избирательных кампаний (1991 и 1989 гг. соответственно) превратились из малоизвестных третьеразрядных фигур в политиков первого ряда.

Значение харизматического популизма в латиноамериканском политическом процессе амбивалентно: с одной стороны, популизм, став инструментом рыночной экономической политики (приватизация, транснационализация) выступил как фактор, благоприятствовавший модернизации как это было в Бразилии в эпоху Ф. Коллора и в Мексике при К. Менеме. С другой стороны, популизм может означать «не только демократизацию, включение масс в политический процесс, но и — на примере Бразилии начала 1990-х гг. — показать свое “автори-

тарное лицо» [там же: 368], то есть торпедировать демократизацию, которая призвана быть значимым элементом модернизационного курса.

Аналогичной выглядит ситуация в России: во второй половине 1980-х гг. популистом был М. Горбачев, полное повторов говорение которого длилось часами. В начале 1990-х гг. популистскую эстафету приняли Б. Ельцин и В. Жириновский, ставшие на стезю харизматического популизма: звонкие, но неконкретные лозунги; апелляция к прямой связи с народом (использование Жириновским своей партии ЛДПР это не отменяет); фантастические по своему содержанию, но принципиально невыполнимые обещания — этот стиль вполне соотносится со тем, что известен по латиноамериканскому опыту. И так же, как в Бразилии этот стиль лидерства привлекал массовые симпатии и выгодно смотрелся после лаконизма и закрытости советских руководителей преклонного возраста.

Рассматривая феномен харизматического лидерства, следует отметить, что апелляция к прямой связи с народом являлась элементом традиционной для России модели отношений в треугольнике «верховная власть — аристократия-массовые группы», которая существовала на протяжении длительного исторического периода — начиная с 15 в. и вплоть до середины XX в. Эту модель И. Солоневич определял как «народную монархию», призванную обеспечить социальную поддержку верховной власти со стороны массовых групп населения в период модернизаций, нередко сопровождавшихся в России репрессиями в адрес управленческого слоя (как это было в периоды правления И. Грозного, Петра Великого и И. Сталина). Репрессии были призваны обеспечить максимальную эффективность управленческого слоя и обеспечить социальную опору верховной власти в ее противостоянии с боярством, аристократией, номенклатурой. Если же обратиться к современным примерам исхода XX в., то очевидно, что в случае Ельцина и Жириновского это сходство было формальным и носило сугубо имиджевый характер.

Сходство лидерского стиля в Бразилии и России дополняется *близостью характеристик массового сознания и поведения в обеих странах*, где накануне шоковой терапии наблюдалось состояние эйфории, ожидание чуда, одномоментного вхождения в рыночный рай, восприятие лидера страны в качестве мессии, который одним махом осчастливит всех обездоленных.

Наличие отмеченных выше сходных черт не отменяет *отличий бразильского и российского опыта*.

Во-первых, стоит отметить *разносоставность повесток модернизации в России и Бразилии* [Linz, Stepan 1996]: если первом случае важнейшей модернизационной задачей исторического масштаба была трансформация государственного социализма и его преобразование в систему рыночных отношений, то во втором случае речь шла о лишь расширении сферы рыночных отношений сил за счёт урезания полномочий государства [Гаман-Голутвина, Пляйс 2006].

Вторым существенным различием Бразилии и России является *отличия алгоритмов модернизации*: если в России заданный ориентированный с начала 1990-х гг. преимущественно на монетарные императивы вектор экономической политики не претерпел существенных изменений на протяжении всего последнего двадцатилетия, то в Бразилии первоначальная монетарная модель не стала догмой и в начальный план были внесены существенные коррективы в пользу диверсификации и расширения повестки. Бразильская модель экономического роста отличалась от тех, что стали основой экономического успеха Китая и азиатских тигров. «Экономический подъем Бразилии стал возможным диверсифицированному характеру экономического роста, опиравшемуся одновременно на иностранный капитал, развитие внутреннего рынка и завоевание внешних рынков», отмечает Ж. Веркей [Vercueil 2011: 80–90].

Существенно *отличался в двух странах и темп модернизации*: в Бразилии был реализован реформистский, а не революционный; умеренный, а не радикальный алгоритм преобразований: «Отличительной чертой именно бразильского варианта переходного периода явился постепенный характер этого перехода: не путём резкого разрыва с прежним политическим устройством, а посредством плавного перевоплощения одного качественного состояния в другое — в полном соответствии с бразильской политической традицией нерадикального разрыва с прошлым», — отмечает Л. Окунева. Причём умеренные алгоритмы проведения политического курса характерны и для периода демократического транзита (1985–1994 гг.), и для «эры Кардозу» (1995–2002 гг.), и для «эпохи Лулы» (с 2003–2010 гг.) [Окунева 2008: 351, 761–764]. Стоит отметить, что, несмотря на авторитарное наследие военной диктатуры, даже в условиях острых конфликтов между ветвями и уровнями власти, между различными политическими фракциями внутри федеральной элиты¹⁸ данные конфликты не обретали формата войны. Стороны конфликтов не прибегали к силовым стратегиям: ни один из президентов не прибегал к крайним репрессивным или насильственным мерам. Примером цивилизованного разрешения конфликта может служить отстранение президента Ф. Коллора от власти в 1992 г. в результате коррупционного скандала посредством процедуры импичмента. Даже Лула, заметно отличавшийся по своим политическим ориентациям от своих предшественников, форсируя социальную составляющую своего курса, не совершал резких политических виражей.

Приверженность согласительным способам разрешения конфликтов стала проявлением свойственной Бразилии традиции неконфликтного расставания с историческим прошлым: никакой из исторических периодов, включая период репрессивной диктатуры военных, не квалифицируется в качестве «чёрной дыры» истории [там же: 399]. Даже проводившееся при Кардозу расследование судебных репрессированных и пропавших без вести в период правления военных не сопровождалось демонизацией этого периода.

Но главное отличие модернизации в Бразилии и в России, являющееся несомненным следствием реализуемых элитами двух стран различных политик модернизации, предстают результаты этих политик и траектории эволюции двух политик: если Бразилия уверенно движется по траектории движения от традиционного к современному обществу, то в России фрагментарная (по ряду значимых параметров было зафиксировано существенное ухудшение¹⁹), модернизация отдельных отраслей и территорий сопровождается частичной архаизацией ряда социальных сегментов.

Содержательная коррекция приоритетов модернизации стала возможной благодаря такой особенности Бразилии, которая роднит ее с азиатской (китайской и НИС), но существенно отличает от российского опыта. Аффилированные с отечественным государством элитные группы не смогли (или не захотели) осознать значимые перемены в концептуальном арсенале и практиках модернизации начала XXI в., основанных на концепции *knowledge based economy*. Невостребованность современных моделей модернизации в России и слабость го-

¹⁸ В данном случае уместно, упомянуть предложенную Д. Сартори дихотомию «политика как войны» и «политика как торг». Конфликты бразильской элиты не обретали формат «политики как войны».

¹⁹ В России в январе 1992 г. инфляция составила 250%; а в целом за год достигла отметки 2500%, падение ВВП составил 15–20%, а за период 1992–1998 гг. ВВП сократился на 40%, объем инвестиций — на 80%. В 1994 г. около трети населения получали доход ниже прожиточного минимума. В 1992–1994 гг. наблюдался двукратный рост убийств; число самоубийств увеличилось на 43%; смертность от потребления алкоголя — на 183% (веркей С. 114–118) э «В отличие от Бразилии, Китая и в некоторой степени Индии Россия не смогла до сих пор ни диверсифицированно интегрироваться в мировую экономику, ни в достаточной степени укрепить свой внутренний рынок» (Vercueil J. Op. Cit. P. C. 121–122). В России и единственной из всех стран БРИКС наблюдался не рост, а падение производительности труда. В ходе приватизации предприятия начали сбрасывать социальную сферу, в результате чего, в условиях вакуума государства, население лишилось доступа к социальным услугам (Vercueil J. Op. Cit. P. C. 153, 163).

сударственных институтов в качестве модернизационных агентов взаимно обуславливают друг друга: поскольку являющееся основой *knowledge based economy* развитие человеческого потенциала является исключительной прерогативой государства, вне целеполагающей и целереализующей роли государства реализация.

Несмотря на то, что уровень экономического и социального развития Бразилии на старте модернизации серьёзно уступал российскому, главное достижение Бразилии состоит в том, что в течение последних 15 лет удалось перейти от доминировавшей в период военной диктатуры 1970–80-х гг. формулы «*рост без развития*» к формуле «*рост плюс развитие плюс благосостояние населения*» [там же: 757]. Причём инструментом достижения столь впечатляющих качественных результатов стало использование современных концепций модернизации и опыта наиболее экономически развитых стран, который показывает, что ключевым механизмом развития выступает *развитие человеческого потенциала*. При этом следует отметить роль фактора квалифицированного управления, который позволял скорректировать приоритеты модернизационного процесса: если в начале 1990-х гг. важнейшим приоритетом была либерализация, то в начале нового века концепция изменилась в пользу более социально-ориентированной модели. Следует особо подчеркнуть, что данный поворот был обусловлен не только стремлением преодолеть вызванные ускоренным ростом диспропорции, но также стал результатом осмысления современных концепций модернизации — модели *knowledge-based economy*, основанных на развитии человеческого потенциала.

В развитых странах развитие человеческого капитала является ресурсом и фактором создания *knowledge-based economy*; в развивающихся обществах — инструментом преодоления бедности и разрыва порочного круга «бедность—необразованность—бедность», что отличает современные модернизации от их классических догоняющих версий, основанных, как известно, на представлениях о первоочередности экономического по отношению к социальному: «Сегодня мы наблюдаем инверсию социального и экономического по сравнению с периодом индустриализации: социальное выдвигается на первый план, экономическое подчиняется его императивам» [Гаман-Голутвина, Олейник 2008].

Таким образом, развитие человеческого потенциала посредством форсированных инвестиций в развитие человеческого капитала стало ключевым механизмом достижения модернизационных успехов. Достижения Бразилии в области образования, в частности, включали введение обязательного среднего образования, программы повышения квалификации учителей; оснащение государственных школ компьютерной техникой в расчете один компьютер на одного ученика. Причём именно инвестиции в сферу образования рассматривались в качестве инструмента преодоления бедности: семьи, дети которых не посещали школу, не получали государственной материальной поддержки. Именно меры по развитию человеческого потенциала позволили Бразилии разорвать порочный круг *бедность-необразованность-бедность*²⁰.

В данном отношении авторы бразильской модернизации в полной мере извлекли уроки из историй успеха наиболее успешно развивающихся стран (включая такие столь различные страны, как США и Сингапур). Это опыт показал, что одной из ведущих технологий обеспечения конкурентоспособности стало создание и эффективное функционирование *knowledge based economy* — «экономики знаний». Ключевое условие, предпосылка и инструмент создание экономики знаний — качество человеческого потенциала. При этом развитие человеческого потенциала является исключительной прерогативой государства. Примером успешных

²⁰ Впечатляющих особенно с сопоставлением со стартовыми позициями — порядка половины населения балансировало на уровне прожиточного минимума; ограниченный сегмент лиц с высшим образованием и невысокий процент имеющих среднее образование, неоптимальная структура экономики; наличие значительного сегмента ручного неквалифицированного труда, гигантская социальная поляризация и т.п.

усилий по достижению успехов в этом направлении может служить политика США по созданию новой экономики посредством инвестирования в человеческий потенциал. В этом контексте заслуживают упоминания усилия администрации Б. Клинтона, заявившей о необходимости «изобрести государство заново» и предпринявшей усилия по пересмотру функций государства. Ключевым направлением реформ госуправления (наряду с созданием электронного правительства; сокращением и удешевлением содержания госаппарата) стали меры по стимулированию новой экономики посредством усилий по развитию человеческого потенциала. В частности, эксперты констатируют увеличение ассигнований на эти цели в течение последних пятнадцати лет. Если в 1990 г. совокупные расходы, в той или иной мере затрагивающие социальное развитие составляли 49,4 % федерального бюджета США, то к 2000 г. этот показатель достиг 62 % [Политическая система США... 2000: 133–134]. Администрация Дж. Буша (увеличившая военные расходы до 3,8 % ВВП), вместе с тем увеличила также расходы на социальные цели в контексте политики «сострадательного консерватизма». Нехарактерный в целом для традиционной политики республиканцев рост доли федерального бюджета в ВВП США с 18,5 % в середине 1990-х гг. до 20,3 % к 2004 г. отчасти обусловлен увеличением гражданских программ бюджета, которые возросли на 36 % [Рогов 2005: 54]. Газета Los Angeles Times констатировала в феврале 2005 г.: «Республиканцы сегодня не спорят с демократами о том, какое правительство необходимо США: большое или маленькое. Они спорят о том, каким должно быть большое правительство» [Hook 2005]. Иракская кампания и ряд иных неблагоприятных обстоятельств побудили администрацию Буша снизить социальные расходы, однако их доля в бюджете по-прежнему остаётся весомой.

Подобные установки существенным образом отличает современную государственную политику от стандартов ушедшей эпохи. До конца XIX в. доля государства в ВВП практически не превышала 10 %, из которых социальные расходы в течение пятидесяти лет, предшествовавших Первой мировой войне, составляли около 1,5 %. Картина начала меняться в межвоенный период, и существенно изменилась после Второй мировой войны, когда начался резкий рост госбюджета практически во всех странах Запада. В Великобритании, Франции, Германии, Италии к 1960 г. госрасходы превысили 30 % ВВП, в США — 27 % ВВП.

При этом рост социальных расходов в развитых странах существенно опережал соответствующую динамику в странах государственного социализма.

Характерно, что рост доли госбюджета в структуре ВВП отмечается также в странах третьего мира, и, хотя это соотношение отличается от стандарта развитых стран, тем не менее, оно выше, чем было в развитых странах в начале XX в. [Рогов 2005: 56–57] Упомянутая тенденция набрала силу к 1990 гг., когда в западноевропейских странах госрасходов в структуре ВВП достигла 58 % в Швеции, 54 % во Франции, 47 % в Италии, 47 % в Германии, 33 % в Японии, 33 % в США. При этом социальные трансферты составили 28 % ВВП во Франции, 25 — в Италии; 21 % в Германии и Швеции, 15 в Великобритании, США и Японии. В среднем за 1960–1996 гг. госрасходы в странах Запада выросли с 27 до 48 % ВВП. Таким образом, рост госрасходов в странах Запада был обусловлен увеличением именно социальных расходов.

Важной причиной увеличения доли государственных расходов в ВВП стала новая роль государства в сфере социального обеспечения и перераспределения доходов с помощью системы налогов и трансфертов. Общемировые государственные расходы в 2000 г. составили примерно 25 % ВВП, или 7,8 триллиона долларов. Более 90 % этой суммы приходится на развитые государства, в которых проживает примерно 15 % населения. «Это позволяет сделать вывод: чем более развитой является страна, тем более сильным является государство» [Рогов 2005: 58–59].

Как отмечалось выше, Россия имела несопоставимо более благоприятные, чем Бразилия, стартовые условия модернизации в начале этого пути: эффективную систему образования и мирового уровня науку; вполне современную обрабатывающую промышленность, включавшую мировой уровень ключевых для современного развития отраслей (космическую промышленность, авиастроение, кибернетика, электронная техника, биохимия, металлургия и др.); высокий уровень образования и квалификации кадров; незначительный масштаб социального расслоения (что могло смягчить неизбежные в ходе модернизации конфликты), статус великой державы (что предполагало высокий уровень политического влияния на глобальном уровне), другие конкурентные преимущества. Однако эти преимущества не были должным образом конвертированы в модернизационные достижения. Более того, по ряду направлений не только не было достигнуты ощутимых результатов, но были утрачены передовые позиции (авиастроение, космос, ВПК и др.). Наблюдатели уже в 1994 г. констатировали частичную де-индустриализацию как в области экономики, так и в области социальных отношений.

В этом контексте следует упомянуть произошедший в ряде республик бывшего СССР масштабный регресс процессов элитобразования, характеризующийся в ряде регионов переходом от бюрократического принципа формирования управленческого аппарата к рекрутированию элит на основе простейших форм социальных связей добуржуазного типа. Заново образовались и обрели политический статус жузы в Казахстане, региональные кланы в Узбекистане и земляческие кланы в Таджикистане, родственные кланы в Туркмении, тейпы в Чечне, этнические сообщества в Дагестане и т.д. Подобного рода метаморфозы давали основание исследователям констатировать, что преобладавший в 1990-е гг. тип рекрутации правящих групп выступал «главным препятствием и угрозой становлению новой российской государственности» [Афанасьев 1996: 7].

Известно, что частичная архаизация элит способна инициировать системную архаизацию: «... тот, кто хоть в какой-то мере способен мыслить социологически, знает, что процесс рационализации в определённой области человеческой жизни нельзя повернуть вспять без того, чтобы это не привело к подобному же регрессу всей духовной конституции человека» [Манхейм 1994: 325]. Детальное исследование данного сюжета [Гаман-Голутвина 2006] показывает, что поразительным образом в условиях России 1990-х гг. произошла реконструкция модели элитобразования феодальной, а не современной Европы — той модели, от которой современные развитые страны ушли.

В частности, речь идёт о том, что отличительной чертой сложившейся в России 1990-х гг. системы отношений корпоративного сектора и государства была высокая степень «приватизации» институтов государства кланово-корпоративными структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций. Парадоксальным образом знаменитое пророчество К. Маркса об отмирании государства при коммунизме осуществилось в посткоммунистической России. Существенное ослабление роли государства в этот период не было «побочным продуктом» процесса трансформации российского общества или простой случайностью, ибо именно ресурсы государства — финансовые, административные, политические и иные — стали источником влияния крупнейших политико-финансовых структур. Это обстоятельство явилось наиболее наглядным признаком происшедшей в ходе реформ 1990-х гг. существенной трансформации модели элитобразования: источником политического влияния в постсоветской России стала собственность.

Во второй половине 1990-х гг. политико-экономическое пространство России вошло в фазу полу-распада, де факто став достоянием самодостаточных политико-финансовых структур, претендовавших на принятие ключевых решений. Сформировавшиеся в этот период политико-финансовые структуры обрели собственный финансово-промышленный потенциа-

лом; собственные службы безопасности; свои креатуры в органах власти различного уровня, силовых и правоохранительных структурах (МВД, ФСБ, прокуратура, суд); сформировали собственные информационно-аналитические империи и связи с определёнными регионами и отраслями; обзавелись «диванными» политическими партиями и установили контакты с определёнными сегментами оппозиции. В результате крупнейшие олигополии превратились в многопрофильные и почти квазигосударственные образования.

Сложившаяся в первое постсоветское десятилетие система отношений государства с кланово-корпоративными структурами существенно отличалась от западного стандарта второй половины XX в., поскольку для последнего характерно сохранение автономности государства по отношению к кланово-корпоративным структурам [Linz, Stepan 1996; Borchert, Zeiss 2003; Page, Wright 1999; Schwarzmantel 1987; Линц, Степан 1997]. Это дает основание диагностировать наличие элементов деформации в сопоставлении с референтной моделью. В качестве критерия деформации можно рассматривать *тенденцию квази-феодализации*²¹ модели элитообразования, о чем свидетельствует высокая степень самодостаточности корпоративных структур и приватизация ими прерогатив публичной власти. Таким парадоксальным образом в России 1990-х гг. произошла реконструкция европейской модели элитообразования феодального, а не современного Запада.

Симптоматично, что прогрессирующие признаки элементов архаизации в социально-политических процессах 1990-х гг. констатировали столь различные наблюдатели, как философ А. Кара-Мурза, характеризовавший постсоветское развитие как чреватое «новым варварством» [Кара-Мурза 1995], историк М. Чешков, отмечавший, что в ельцинской России ситуации доминировали «процессы распада и хаоса» [Бюрократия, авторитаризм... 1993: 18], а также один из крупнейших российских предпринимателей, и совладелец «Уралмашзавода» К. Бендукидзе, полагающий, что России угрожает масштабная феодализация.

Таким образом, можно констатировать, что произошедшая в России 1990-х гг. архаизация организации элит стала «спусковым механизмом» частичной архаизации важных элементов социального уклада и повлекла за собой не полноценную модернизацию, а частичную архаизацию.

Стоит обратить внимание на то, что отмеченные выше элементы архаизации наиболее наглядно просматриваются в той сфере, которая была призвана локомотивом заявленной в начале 1990-х гг. в качестве цели постиндустриальной модернизации, а именно в социальной сфере.

Программные политические документы, включая Послания Президента РФ Федеральному Собранию, в качестве ключевой цели государственной политики России постулируют обеспечение конкурентоспособности страны²². Однако на практике заметной чертой российской трансформации стало существенное ослабление государства, активная роль которого стала фирменным знаком успешных модернизаций в странах, и значимое сокращение государственной поддержки образования, науки, культуры, здравоохранения. В этой связи следует назвать реформы социальной сферы, осуществлённые в 2004–2005 гг. и знаменовавшие

²¹ В этой связи уместно упомянуть предложенную Г. Москвой дихотомию, в рамках которой проводилось разграничение между феодальным и бюрократическим типами организации власти. Напомним, что термин "феодальный" Моска использовал для характеристики слияния экономической и политической власти, вследствие которого государство превращается в конгломерат самодостаточных образований.

²² Понятие конкурентоспособности включает не только экономические критерии. Так, в предисловии к Всемирному докладу по конкурентоспособности (2006–2007 годы) признано, что из девяти критериев конкурентоспособности лишь четыре — сугубо экономические; прочие в той или иной мере имеют «социальное измерение». http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/gcr_2006/chapter_1_1.pdf; см. также Иноземцев В. Призрак конкурентоспособности // независимая газета // 11.04.2007.

серьёзное сокращение финансирования данных отраслей. В этом же контексте следует назвать имевшие место в 2012–2013 гг. реформы системы образования и Академии наук. Результатом реформы образования может стать существенное суждение сегмента бесплатного высшего и среднего образования. Во втором случае речь может идти о серьёзном снижении эффективности академической науки в России. В итоге формулой российской модернизации остаётся формула «*рост без развития*», поскольку показатели экономического роста достигаются за счёт экстенсивных факторов (экспорт энергоносителей).

Но даже с экономическим ростом в России не все благополучно. На фоне роста в 2013 г. мировой экономики 3 % в год РФ показала вдвое меньший рост — 1,5 % при том, что цена за нефть стала выше прогнозной — не 97, а 108–110 долл. за баррель и при том, что 2013 г. прошёл на фоне относительно благоприятной мировой конъюнктуры. Максимально возможный экономический рост в 2013 г. будет меньше не только прошлогодних 3,4 %, но и официального прогноза на 2013 г. — 1,8 %.

Параметры проекта бюджета РФ на 2014–2016 гг. не внушают оптимизма в вопросе усиления социальной составляющей развития РФ. В проекте бюджета РФ на 2014–2016 гг. снижаются социальные расходы, в том числе на науку. Финансирование фундаментальной науки составит 3,6 % ВВП — ниже уровня инфляции; финансирование прикладных исследований даже в абсолютных цифрах ниже 2013 г., причём значительная часть упомянутых средств пойдёт на финансирование «Сколково» (26 млрд. руб.) и «Роснано», на вложение в уставные капиталы свободных экономических зон. Между тем именно перечисленные структуры, по данным Счетной палаты, вызывают большие вопросы аудиторов. Из выделенных 48 млрд. руб. на сферу образования расходы на систему высшего и послевузовского образования не увеличиваются даже на уровне инфляции. Расходы на здравоохранение в 2014–2016 гг. составят 91,4 % от уровня 2013 г., а на образования — 87,1 % от уровня 2013 г. В целом доля совокупных госрасходов здравоохранение в проекте бюджета на 2014–2016 гг. сокращается в ВВП с 3,6 % в 2013 г. до 3,4 % в 2014 г., а доля расходов на образование сокращается в ВВП с 4,3 % до 4,1 %. Коэффициент замещения пенсий снижается с 33,8 % до 33,4 %.

13,6 % населения РФ имеет доходы ниже прожиточного минимума, при этом государство экономит на пенсионерах 244 млрд. руб., не используя более половины годовых расходов бюджета²³. В этой связи стоит отметить, что даже в ЮАР, характеризующейся унаследованным от эпохи апартеида огромным социальным неравенством²⁴, в ходе модернизации удалось сгладить социальные контрасты.

Китай

Уникальной особенностью организации правящих элит в Китае является ее поразительная устойчивость: сложившись в основных чертах около двух тысяч лет назад, она продолжает существовать (хотя и в модифицированном виде), несмотря на происшедшие в XX в. тектонические трансформации (социалистическая революция 1949 г., переход к смешанной эко-

²³ <http://ria.ru/economy/20131025/972695269.html>; <http://www.mk.ru/economics/interview/2013/10/22/934526-byudzheth-plachevnyih-itogov.html>

Ещё в середине 1990-х гг. средний доход проживающих в городской зоне чернокожих составлял 22% от доходов белого населения (составляющего 13 % населения страны), а проживающих вне городов — лишь 6%; уровень безработицы среди чернокожего населения достигал 37%, а среди белого — 8, 4 % (Vercueil J. Op. Cit. P. 24, 122).

²⁴ Ещё в середине 1990-х гг. средний доход проживающих в городской зоне чернокожих составлял 22% от доходов белого населения (составляющего 13 % населения страны), а проживающих вне городов — лишь 6%; уровень безработицы среди чернокожего населения достигал 37%, а среди белого — 8, 4 % (Vercueil J. Op. Cit. P. 24, 122).

номике в конце 1970-х гг.). Другой значимой особенностью организации власти в Китае является то, что ее ключевыми принципами в Китае является система традиционных ценностей китайской цивилизации: в этом в полной мере проявляется то, что Китай — это цивилизация, выдающая себя за страну. К числу базовых ценностей следует отнести приверженность традиции и уважение к старшим, признание обоснованности иерархизма и непоколебимая вера в величие Китая, аскеза и умение довольствоваться малым, дисциплинированность и организованность, приверженность этическим заповедям конфуцианства и чувство долга, верность семье и готовность к напряжённому труду, высокая трудовая этика и стремление к повышению материального положения и социального статуса ценой упорного труда. Эти ценности, сложившиеся порядка двух тысяч лет назад как осмысление философских оснований конфуцианства, даосизма и легизма, проецируются на систему рекрутирования властной элиты в качестве системообразующих принципов этой системы.

Наиболее важными из данных принципов являются:

- Неизбежность и целесообразность вертикальной политической иерархизации, в рамках которой каждый выполняет свою миссию (один из постулатов конфуцианства гласит: «Отец должен быть отцом, сын — сыном»); признается элитарность управленческой деятельности;
- понятие «Мандата Неба» на правление, который получает первое лицо Поднебесной (будь то император или генсек КПК) в статусе «Сына Неба»; причём каноническое понимание «Мандата Неба» предполагает, что его получает только тот, кто обладает добродетелью, широкими познаниями и харизмой);
- меритократическая по сути система карьерного продвижения управленцев, построенная на воспринятом от конфуцианства культе знаний, в соответствии с которым с высшая власть и ее инструмент — система управления — должны быть высокообразованными людьми. Методологическим обоснованием меритократической системы рекрутирования китайской элиты стало восходящее к сложившейся в IV в. до н.э. философской школе легизма признание важности соблюдения формальных процедур. Основной идеей школы был культ закона и равенство всех перед Законом и Сыном Неба (т.е. императором), следствием чего являлась идея раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам, согласно которой любой простолудин имел право дослужиться до первого министра²⁵;
- убежденность в необходимости поддерживать непрерывность и стабильность системы трансляции власти и значимая роль старшего поколения руководителей в выборе и продвижении преемников (сопровождавшиеся жёсткой борьбой прецеденты отклонения от данного принципа в XX в. воспринимаются как доказавшие свою неэффективность); выбор преемника происходит посредством многоступенчатых консультаций преимущественно путём согласований.

Из перечисленных принципов «фирменным отличием» Китая можно считать, прежде всего, сложную систему используемых для отбора управленцев многоступенчатых экзаменов. Основания данной системы начали складываться ещё около полутора тысяч лет назад, а в начале VII в. н. э., в эпоху империи Суй сложилась уже система государственных экзаменов, в том или ином виде просуществовавшая до 1905 г. и до сих пор оказывающая сильное воздействие на китайскую модель элитного рекрутирования. Посредством этой системы выполнялись должности снизу доверху, вплоть до чиновников, находившихся на самых высоких ступенях при императорском дворе. Суть данной системы заключалась в необходимости сдачи серии экзаменов, прежде всего по литературному китайскому языку (что имело формат

²⁵ Экспертное интервью с А. Мельниковым, взятое в рамках реализации данного проекта.

представления схоластических текстов) и этике, для поступления на государственную службу. Система состязательных экзаменов на знание гуманитарных текстов, прежде всего, на понимание традиционного мировоззрения и этике, была призвана сформировать понимание того, что такое добродетель и насколько добродетель и мораль важны при формировании правильного правления.

Централизованная экзаменационная система стала важным фактором вертикальной социальной мобильности: теоретически к экзаменам допускался каждый взрослый мужчина, независимо от финансового состояния и социального статуса», хотя в реальности доступ к качественному образованию и в историческом прошлом, и сегодня во многом определялся имущественными возможностями. Гигантская система многоступенчатых экзаменов «обеспечивала дополнительную прочность и устойчивость всей конструкции, ибо не только гарантировала высокий уровень конфуцианской образованности кандидатов в чиновники и высокое качество имперской администрации, но и служила методом проверки благонадежности претендентов на вакансии в разветвлённом бюрократическом аппарате, воздействие на направление умов образованной части общества, обновления и ротации чиновничьего аппарата власти, регулярно снабжая его кадрами» [Корсун 2011: 96].

Экзаменационная система и даёт основание для определения сложившейся в Китае на протяжении полутора тысяч лет системы рекрутирования Китая как меритократии. Эксперты отмечают, что изначально термин «меритократия» был переведён в китайской профессиональной литературе как «элитаризм»; в настоящее время общепринятой его трактовкой стало «выдвижение мудрых», или «выдвижение мудрых и возвышение способных». Причём данный термин в китайской культуре не воспринимается как пришедший из западной политологии, поскольку выражение «отбор мудрых и выдвижение способных» существует в контексте китайской культурной традиции уже минимум два тысячелетия. Традиция меритократического продвижения была поколеблена в годы правления Мао, когда критериями продвижения стали идеологическая и личная лояльность. Воплощением неэффективности и бессмысленной жестокости этого отклонения от исторической традиции стала «культурная революция», когда истреблению подверглись наиболее образованные кадры.

Алгоритм передачи власти, который иногда называют «престолонаследием на два срока вперед» (В. Корсун) предполагает, что первое лицо государства (сосредотачивающий в своих руках большинство высших постов) может занимать свой пост только в течение десяти лет — только два срока без шансов вернуться на вершину политического Олимпа.

Регламентация трансляции власти лишает ее первое лицо покрова сакральности, что в настоящее время нашло отражение и в используемой терминологии: если до 2002 г., когда высшие посты покинул Цзян Цзэминь, использовалась формула «Центральный комитет с ядром в качестве товарища имярек (Мао Цзэдуна, Цзян Цзэминя)»; то, начиная с Ху Цзиньтао используется упрощённая формулировка «Центральный комитет КПК с товарищем имярек в качестве Генерального секретаря» — то есть Генеральный секретарь КПК (в настоящее время Си Цзиньпин) уже не имеет прежнего выдающегося статуса [Конференция Совета... 2013].

Стабильность и четкая регламентация системы рекрутирования и ротации кадров делает процесс ротации предсказуемым. Наблюдатели утверждают, что уже сегодня можно предположительно назвать имена тех, кто придёт к власти в 2022 году: это два человека 1963 года рождения, которым в 2022 году предстоит стать членами Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, а в 2023 году стать Председателем КНР и премьер-министром. Один из этих предположительных лидеров сейчас возглавляет провинцию на северо-востоке Китая, другой возглавляет один из крупнейших мегаполисов центрального Китая с населением почти 50 млн. человек. Хотя они не имеют формального статуса будущих лидеров, данный прогноз происходит из понимания их статуса в социальной и партийной иерархии. Особенность их поло-

жения в том, что высокий неформальный статус обязывает кандидатов не «почивать на лаврах» в ожидании возвышения, но напряжённо и целенаправленно продолжать свое образование и подготовку, делом доказывая свое право на национальное лидерство [там же].

Всестороннюю подготовку проходят не только кандидаты на высшее лидерство, но также вся нижестоящая управленческая иерархия. «Подбором кадров» формирование элиты не ограничивается: в настоящее время в КНР функционирует разветвлённая, многоотраслевая и многоуровневая система подготовки кадров, включающая такие учреждения, как Партийная школа при ЦК КПК, Государственная административная академия, их региональные отделения и филиалы, Центральная академия национальностей, Академия военных наук Китая, Академия национальной обороны НОАК и др. Институт государственных служащих стал значимым элементом общенациональной системы управления.

Механизмами модернизации этой направленной на обеспечение качества кадровой ротации системы стали введённые в последние годы нормы: запрет практик пожизненного пребывания на своих постах руководящих работников и традиции единоличного назначения лидером КПК своего преемника; обязательность практики регулярного обновления и омоложения состава руководящих кадров [Корсун 2011: 113].

Важным элементом механизма ротации является унаследованная от прошлого циркуляция кадров по стране, которая была в прошлом и является сегодня важным фактором национального единства. Причём особое внимание в ходе территориальной ротации уделяется предотвращению образования патронатных связей и региональных вотчин: в историческом Китае было запрещено назначение чиновников в местности, откуда он или его супруга были родом; обязательной была практика постоянной ротации и перемещений (обычно каждые три года) чиновника на новое место службы [там же: 97].

Значимым механизмом обеспечения качества кадров является ставшая существенным дополнением традиционных экзаменов система контроля, включающая комплекс финансово-контрольных и аудиторских структур под руководством Министерства контроля Госсовета.

Основным пулом, из которого черпаются руководящие кадры, является партийно-государственный аппарат. Причём рекрутирование и ротация носят относительно открытый характер: госслужба по партийной или государственной линии доступна всем независимо от происхождения, главное — качество образования и эффективность работы, хотя в реальности сельские жители располагают несопоставимо более ограниченными по сравнению с горожанами возможностями доступа к образованию. Но ещё более важную роль, чем управленческая эффективность, играет партийная принадлежность: несмотря на имевшие место прецеденты участия в высших эшелонах власти представителей других партий (в КНР, как известно, помимо КПК существует ещё восемь политических партий, однако их политический вес и влияние носят, скорее, формальный характер) или беспартийных, приоритет КПК не подлежит обсуждению.

Армия не является кадровым резервом: по сложившейся в Китае традиции партия командует винтовкой, а не винтовка командует партией.

Что касается выдвижения представителей бизнеса на ключевые политические позиции, то, несмотря на имевшие место прецеденты (в 1990-е гг. заместителем Председателя КНР Цзян Цзэмина был шанхайский предприниматель Жун Ижэнь, руководивший в 1988–1993 гг. Всекитайской федерацией промышленников и торговцев) и продвижение предпринимателей на управленческие позиции низового уровня, продвижение на общенациональный уровень управления выходцев из бизнеса может проблематизировать принципы народной демократии. Другим аргументом против продвижения бизнеса является отсутствие у него опыта политического управления.

Политическим Олимпом КПК и КНР является Постоянный комитет Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая — крайне закрытый орган, включающий высшее руководство КНР и КПК и известный тем, что его решения принимаются преимущественно консенсусом. Члены Постоянного комитета утверждаются ЦК КПК.

Следующим кругом власти являются ежегодные Пленумы ЦК, участие в которых принимают 350 наиболее влиятельных партийных чиновников. В рамках пленума ЦК узкий круг китайских руководителей принимает все основные решения, которые затем обсуждаются и официально утверждаются на более публичных мероприятиях — ежегодных сессиях Всекитайского собрания народных представителей; наиболее значимые стратегические решения утверждаются раз в пять лет на съездах КПК. Особую роль в политической системе КНР играет армия НОАК. Высшим партийно-государственным органом является Центральный военный совет, который наряду с дублирующим его по персональному составу Военным советом (Военной комиссией ЦК КПК) командует всеми вооружёнными формированиями страны и является одним из ключевых элементов властной иерархии КНР [там же: 103].

Как и в других странах БРИК, импульсы модернизации исходили сверху: архитектором китайской модернизации стал Дэн Сяопин. Выдвинутая Дэн Сяопином в конце 1970-х гг. идея «четырёх модернизаций» предполагала реформы в сельском хозяйстве, промышленности, науке и технологиях, обороне. Можно предположить, что идеи Дэн Сяопина о крупномасштабной модернизации КНР посредством использования элементов рынка в рамках социалистического уклада начали формироваться уже на начальном периоде существования КНР, когда в ходе дискуссий того времени он поддерживал концепцию «новой демократии», допускавшей сочетание социалистического уклада с элементами рынка. В пользу данного суждения свидетельствует тот факт, что идеи широкомасштабных реформ были выдвинуты Дэн Сяопином сразу после смерти в 1976 г. инициатора «культурной революции» и приверженца жёсткой одноукладной модели «народной демократии» Мао Цзэдуна. Укреплению идей широкомасштабных реформ способствовало осмысление также того, что политика «большого скачка» (1958–1962 гг.) и курса на огосударствление экономики и в целом, несмотря на определённые успехи в индустриализации (к 1978 г. доля промышленности в КНР достигла 50 % ВВП), не позволила Китаю преодолеть статус одной из наиболее бедных стран мира. Сыграло свою роль также осмысление трагических результатов «культурной революции» 1966–1976 гг., в ходе которой наиболее разрушительные удары были нанесены по культурному достоянию страны, а наиболее образованные кадры подверглись репрессиям. Не последним по значению фактором в продвижении идей китайской модернизации стал впечатляющий экономический успех Японии и четырёх «азиатских тигров» и, особенно — необходимость соперничества с Тайванем. Формированию установки на осуществление модернизации без демократизации осмысление опыта распада СССР.

Важным содержательным элементом программы реформ стал отказ от схоластической идеологии и поворот в пользу прагматической ориентации на достижение экономической эффективности. После смерти Мао Цзэдуна идеи стабилизации политической системы, ее гуманизации и деидеологизации, и предложения о переносе стратегических приоритетов с догматизированных политико-идеологических ориентиров на прагматические цели экономического развития и повышения уровня жизни были поддержаны и широкими кругами истощённого репрессиями партийного аппарата (ганьбу), и стремившемся выбиться из нищеты населением. Несмотря на то, что линия Дэн Сяопина не была единственной в среде китайской элиты, она стала безраздельно доминирующей.

Влияние базовых ценностей китайской цивилизации в данный период отчётливо прослеживается. Так, ключевая идея реформ Дэн Сяопина «Быть богатым тоже неплохо» восходит истоками к конфуцианству, а принципиальной особенностью китайской модернизации

стал ее эволюционный и постепенный характер, формулой которого может быть известное изречение Дэн Сяопина: «Переходя реку, ощупываем камни».

Постановка новых задач была неизбежно сопряжена с ротацией управленческих кадров — заменой идеологических ортодоксов прагматиками с качественным образованием. Одной из наиболее значимых волн ротации стало обновление и омоложение управленческого аппарата в начале 1980-х гг., когда Дэн Сяопин инициировал широкую кампанию по замене старой гвардии на молодых высокообразованных специалистов. В период 1980–1986 гг. своих должностей лишились около 1,4 млн. старых партийцев, пришедших в КПК ещё до 1949 г., на их место были набраны около 470 тыс. молодых высокообразованных специалистов²⁶.

Несмотря на то, что идеи Дэн Сяопина имели широкую поддержку в партии и обществе, это отнюдь не означало прекращения политической борьбы за власть в верхах: не только передача власти от первого ко второму поколению руководителей происходила конфликтно (арест в 1976 г. «банды четырёх» и отстранение от власти в 1978 г. Хуа Гофэна); но также передача власти от второму к третьему поколению (освобождение от всех постов Чжао Цзыяна с назначением Цзян Цзэмина 1989 г., в том числе в связи и массовыми выступлениями на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г.) стала серьёзным испытанием устойчивости политической системы КНР.

Передача власти в 2002 г. от третьего к четвёртому и от четвёртого к пятому поколению прошла неконфликтно. Значит ли это, что политическое руководство КНР монолитно и лишено внутренних противоречий? Отнюдь: мирный характер трансляции власти в 2002 и 2013 гг. не отменяет существенных различий в позициях различных сегментов китайской политической элиты. Что касается трактовок линий размежеваний в китайской элите, то мнения наблюдателей по данному вопросу далеко не всегда тождественны, как минимум в связи с закрытостью процессов внутриэлитных взаимодействий: в высших эшелонах китайской власти предпочитают не выносить сор из избы.

До недавнего времени наиболее распространённым в профильной литературе тезисом было положение о размежеваниях по линии — «наследники» — «комсомольцы».

На наш взгляд, это суждение неточно — скорее, имеет место некий компромисс между этими группировками, учитывая формирование действующего тандема Си Цзиньпин — Ли Кэцян: первый принадлежит к первой группе, последний — ко второй.

Прежде всего, феномен наследников (или принцев, *princelings*) — это специфическое и сугубо временное явление, возникшее на волне молодёжных выступлений 1989 г. в КНР и в связи с кризисными процессами в СССР рубежа 1980–1990-х гг.: в кругу китайского руководства возникла идея продвижения на высшие посты выходцев из семей партийно-государственной верхушки, призванных стать преемниками тогдашней власти: социальная принадлежность была призвана обеспечить устойчивость существовавшей системы власти.

Но более существенным возражением против представления о важности «наследников» заключается в том, что карьерные траектории «принцев» радикально противоположны: нынешний председатель КНР Си Цзиньпин и Бо Силай в равной мере вышли из данной категории, но один из них сейчас является Генеральным секретарём, председателем КНР и главой Центральной военной комиссии, а другой находится в тюрьме по обвинению в коррупции и других нарушениях.

При этом отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь — участник революционной борьбы 1920-х гг. и занимал ряд ключевых постов в высших эшелонах власти; Бо Силай — сын одного из крупнейших китайских политических деятелей середины прошлого века Бо Ибо, члена

²⁶ Экспертное интервью с А. Мельниковым, взятое в рамках реализации данного проекта.

«восьмёрки бессмертных», в которую входили наиболее авторитетные ветераны китайской революции.

Другая крупная внутриэлитная группировка представлена выходцами из Коммунистического союза молодёжи Китая («комсомольцы») и возглавляется премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном.

Более обоснованными представляется утверждение о том, что главной линией размежевания в китайской элите являются разногласия между «шанхайцами» и «пекинцами». Данное размежевание носит принципиальный содержательный характер, поскольку проистекает не просто из личной политической конкуренцией, но основано на концептуальных расхождениях в интерпретации приоритетов модернизации.

Шанхайский клан, лидером которого был стоявший у руля Китая в 1989–2002 гг. Цзянь Цзэминь, будучи представлен выходцами из наиболее экономически развитой территории Китая, ориентирован на форсирование экономического роста в терминах объёма ВВП посредством внешнеэкономической экспансии и индустриализации за счёт деревни. Этот курс, основанный на предложенной Цзянь Цзэмином стратегии глобального внешнеэкономического наступления Китая был выражен лозунгами «Идти вовне» и «Приглашаем приходить». Стратегия глобального внешнеэкономического наступления отражала интересы приморских, наиболее экономически развитых регионов страны. Развитие внутренних районов и внутреннего рынка представлялось им малопривлекательным делом, требующим гигантских капиталовложений с длительными сроками окупаемости. Для реализации стратегии «Идти вовне» использовалась специфическая экономическая модель роста, основанная на максимально возможных инвестициях в основной капитал, форсированном расширении экспортного производства, изъятии средств из сельского хозяйства, использовании низкой стоимости рабочей силы, на предельном ограничении социальных расходов на образование, здравоохранение, социальное страхование и социальное обеспечение.

Осуществление стратегии «Идти вовне» позволило КНР существенно увеличить экономический потенциал и занять второе место в иерархии наиболее экономически мощных стран мира. Однако данная стратегия обусловила перегрев экономики, усиление чреватой взрывом социальной напряжённости, рост бюрократии и коррупции, все большую экономическую самостоятельность региональных властей, частичную утрату управляемости экономикой, углубление региональной и социальной дифференциации, в том числе между городом (ставшим фактически привилегированным сегментом) и деревней, где проживает две трети населения страны (800 млн. крестьян), которая производит лишь 14 % ВВП и имеет соответствующие — очень низкие по сравнению с горожанами — доходы. Таким образом, экономический рост сопряжён с ростом социальной напряжённости: не случайно ежегодно в Китае происходит более 80000 общественных протестов.

Пересмотр методов достижения модернизационных задач начался в начале 2000-х гг. с переходом власти от Цзянь Цзэминя к Ху Цзиньтао, который, как и большинство его сторонников, является выпускником Университета Синьхуа и представляет интересы центральных провинций Китая. Концептуальным стержнем правления Ху Цзиньтао стал лозунг гармонизации, как выражение необходимости более сбалансированной иерархии приоритетов, необходимости пересмотра модели экономического роста, применения комплексных мер по развитию аграрной сферы. Было признано, необходимым свернуть политику индустриализации за счёт деревни, напротив, город и промышленность были призваны помочь подъёму сельского хозяйства.

В целях социально-политической стабилизации по инициативе пекинской команды XVII съезд КПК в 2007 г. провозгласил линию на социально-ориентированное государство и переход от «теории опережающего обогащения», когда выгоду от реформ получает лишь

часть общества, к «социальной гармонии», выраженной «теорией гармонизированного совместного развития», когда выгоду получают все.

Однако планы пекинцев наткнулись на сопротивление другой влиятельной силы в руководстве КНР — шанхайского клана экс-председателя Цзян Цзэминя. Занимая ключевые посты в китайской номенклатуре во времена Цзян Цзэминя, они выступали за дальнейшее ускорение темпов роста экономики КНР, флагманом которой как раз и является Шанхай. Внутри китайской элиты развернулась продолжающаяся до сих пор борьба, главным сюжетом которой является противостояние «пекинского клана» Ху Цзиньтао с «шанхайским кланом» Цзян Цзэминя. Названия эти кланы получил не по принципу происхождения их лидеров: центральный предмет борьбы между ними — вопрос приоритетов экономического развития Китая. Шанхайский клан выступал и выступает за ускорение темпов экономического роста страны, флагманом которого в Китае является город Шанхай. В то время как «пекинские» опасаются, что в стране может начаться революция, вызванная неравенством между богатеющими с каждым годом горожанами и 800-миллионным крестьянством²⁷.

Постепенно вытеснив ключевые фигуры шанхайского клана из высших эшелонов власти, особенно на провинциальном уровне, пекинский клан взял курс на масштабные перемены, включающие торможение роста экономики и увеличение расходов на нужды деревни. Этот план предполагает расширение среднего класса, в том числе поддержку малого бизнеса, увеличение расходов на систему социального обеспечения, завершение создания к 2020 г. пенсионной системы, которая охватит город и деревню (сейчас в КНР пенсии есть только у работников городских госпредприятий). Данные шаги означают переход Китая к новой стратегии, основанной на сочетании («гармонизации») внешнеэкономической экспансии с социально-экономическим развитием страны.

Что касается динамики внутриэлитного процесса, то базовое противоречие между пекинцами и шанхайцами в полной мере проецируется на решение конкретных проблем. Непрерывающаяся борьба с коррупцией находит адреса, в том числе, в противостоящих кланах и предстаёт также инструментом межэлитной борьбы и перераспределения контроля над государственными активами и финансовыми потоками.

В этом контексте представляют интерес судебные процессы над бывшим членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (в 2007–2012 гг.) Чжоу Юнканом, представлявшим интересы шанхайского клана Цзян Цзэминя и Бо Силаем, который, несмотря на происхождение, по идейно-политическим признакам принадлежал не к группировке «наследников», а к шанхайскому клану. Предположительно именно в нем фракция Цзян Цзэминя видела своего кандидата на высокие должности в КПК. Таким образом, действия против Бо Силая и Чжоу Юнкана могут рассматриваться как продолжение борьбы с «шанхайцами», начатой «пекинцами» во главе с Ху Цзиньтао.

Таким образом, основные разделительные линии в китайской элите, как и в бразильской, пролегают по базовым концептуальным вопросам относительно стратегии, приоритетов, этапности и социальных измерений модернизации. Форсирование модернизации на первом этапе, сопряжённое усугублением социальных расколов и формированием социальных рисков, побуждает искать корректирующие стратегии. Анализ показывает корреляцию между проводимым курсом и социально-политической аффилиацией его субъектов. Разногласия между различными элитными сегментами имеют различный формат, но порой обретают очертания жёсткой политической борьбы, сопряжённой с политическим уничтожением противников. Таким образом, специфическую существующую в Китае систему можно опреде-

²⁷ Экспертное интервью с А. Мельниковым, взятое в рамках реализации данного проекта.

лить, как движение от меритократии к меритократии без демократии [Конференция Совета... 2013].

Индия

В Индии модернизация составляет ядро национальной повестки, однако сам термин малоупотребим: индийцы предпочитают говорить «об особом пути» и «цивилизационном многообразии». Это представляется не случайным, поскольку базовые свойства индийской цивилизации играют значимую роль не только в осуществлении модернизации, но и в организации системы власти в целом: ключевые для Индии ценности, институты и особенности индийской цивилизации определяют важнейшие характеристики этой системы. В данном контексте следует отметить культ знаний, определявший и определяющий стремление к освоению культуры и науки; кастовую стратификацию, санкционировавшую кастовое неравенство, определявшую иерархичность и оправдание подчинения, что сдерживало недовольство низших слоёв и сообщало стабильность общественному устройству; эволюционность и постепенность в осуществлении социальных преобразований; приверженность принципам не насилия, в основе которой — признания роли кармы и дхармы в определении судьбы человека. Как ни парадоксально, но эти ценности одной из древнейших цивилизаций сочетаются с воспринятой от британской колонизации традицией партийной конкурентной политики. При этом следует отметить, что демократические принципы не чужды и самой культуре Индии: имеются в виду традиции самоуправления древних индийских республик Личхава и Маллов и самоуправляющиеся общины — панчаяты, продемонстрировавшие устойчивость на протяжении трех тысяч лет.

Истоки модернизационного движения Индии исследователи усматривают еще в колониальный период, когда английская администрация в XIX веке начала модернизацию образовательной и судебной систем: «Эти прогрессивные меры носили верхушечный характер, были поверхностными по отношению к глубинным традиционным отношениям, характерным для страны в целом. Тем не менее, они заложили предпосылки формированию национальной элиты, ускорили становление общенационального рынка при всей его незавершенности, способствовали распространению ценного know how — пониманию рыночных условий. Индия, ее экономика, культура, были тесно вплетены в жизнь метрополии, что способствовало формированию национальной элиты Индии, немногочисленную, но хорошо образованную, политически грамотную, способную к глубокому видению проблем своей страны, а главное, их пониманию в контексте мирового развития. Важным фактором развития образования стало сохранение после завоевания политической независимости английского языка как официального, его преподавание в школах и высших учебных заведениях, издание правительственных документов и газет, что много лет спустя помогло продвижению индийской программной продукции» [Брагина 2010]. Источником индийской модернизации стало понимание значимости социально-культурных измерений экономического роста. Не менее важными свойствами индийской культуры предстают ценности постепенности развития и неконфликтности взаимодействия групп и индивидуумов.

Конфигурация политической вертикали Индии определяется устойчивостью кастовой системы, выступающей основанием социальной иерархии. «Цивилизационную парадигму Индии можно схематично назвать элитарной, что непосредственно связано с кастовым наследием. Уже ко 2–3 веку до н.э. окончательно складывается варно-кастовая структура древнеиндийского общества. В начале нашей эры появилась и новая категория: неприкасаемые, куда попали наиболее презируемые касты (выполняющие наиболее «нечистые», с точки зрения индуизма работы, такие как кожевники) и «млеччха» (варвары), представители авто-

хтонных отсталых племён, уровень развития которых не позволял включить их в кастовую систему. Им запрещалось посещать индусские храмы, читать религиозную литературу, и даже прикосновение к ним оскверняло кастового индуса. Постепенно наибольшее значение стали приобретать не варны, а касты, гораздо более мелкие общности. Каждая каста входила в конкретную варну и состояла из замкнутых групп людей, объединённых выполнением специфической социальной функции, наследственными занятиями или профессиями, районом проживания, эндогамией и верой в мифического общего пращура. Каста подразумевала наличие своей дхармы (долг человека, его статус, права и обязанности), ограничения в общении с другими кастами (эндогамия). Таким образом, принадлежность к касте определяла профессию человека, выбор супруга, структуру питания (чем выше каста, тем больше существовало ограничений), стиль поведения, мораль, этику и т.д.», — отмечает известный российский индолог С. Лунев. [Лунев :70–71]²⁸ Он также отмечает, что важнейшей особенностью кастовой системы является то, что она консервирует разделение на протяжении не только веков, но даже тысячелетий. «Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. Одновременно у среднего далита за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны», — отмечает он [там же].

После обретения независимости различные составы правительства предпринимали меры по устранению наиболее одиозных проявлений кастовой стратификации. В частности, была введена система резервирования мест для далитов и низкокастовых в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах; для бедных были введены талоны на товары первой необходимости по символическим ценам; государство активно поддерживает мелкий бизнес, способствует созданию новых рабочих мест. Так, в штате Тамил Наду около 70 % мест на общественных работах резервируется за определёнными кастами, конфессиональными группами и племенами, что вызывает активное недовольство остальных. В результате проводимой политики за полвека уровень жизни индийских низов вырос; низшие страты вовлекаются в политическую жизнь. Так, например, сегодня право голоса рассматривается как ценность, и это право не просто купить. Проявляют активность общественные организации, не позволяющие правительству отказаться от курса на интеграцию бедняков в общество.

Несмотря на то, что кастовая система была отменена Конституцией 1950 г., на практике она — хотя и несколько смягчённом виде — сохраняется, как сохраняются и существенные региональные и иные различия.

Это определяет тот факт, что в профессиональной политической жизни на протяжении первых десятилетий независимости участвовали преимущественно представители высших страт, обладавшие необходимым образованием подготовкой. Это существенно отличает индийские практики, по существу, элитарные, от китайских — по сути эгалитарных и меритократических.

Несмотря на устойчивость кастовой и шире — жестко-стратификационной систем, некоторые изменения в пользу смягчения данной системы на протяжении периода независимости все же происходили. В частности, это выразилось вовлечением в политику не только представителей высших каст, но также выходцев из торговых и земледельческих сословий. Получив необходимое образование, они приходили в политику, выдвигались на лидирующие

²⁸ Лунев С.И. Элитарная парадигма развития (на примере Индии) // Элиты стран Востока. С. 70–71.

позиции в партиях, занимали посты в парламенте и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. «Появились так называемые «доминирующие касты», в различных штатах — разные. Это надары в Тамилнаде, маратхи в Махараштре, анвилы и патидары в Гуджарате, лингяты и ваккалигасы в Майсоре, эжавасы и наиры в керале, караны в Ориссе и т.д.» [там же: 75].

Фантастичность происшедших за прошедшие десятилетия перемен проявилась в том, что даже неприкасаемые активно участвуют в политическом процессе. Они образовали собственную партию, которая на выборах 2004 г. и 2009 г. получала порядка 6 % голосов и около 20 мандатов. Эксперты отмечают также активизацию локальных властей, что стало результатом проведения административной реформы. Таким образом, происходят позитивные изменения в процессах рекрутирования элит: формат публичной конкурентной политики предполагает обновление сообщества политиков, выход на арену политики новых лиц, выдвигающих новых программ и новых идей.

Что касается наиболее востребованных в политике групп, то особую роль играет интеллектуальная среда как важнейший пул рекрутирования элит, что обусловлено традиционным для Индии культом знания. В стране до недавнего времени во многих анкетах люди подразделялись на три категории: мужчины, женщины и доктора наук. Представители бизнес-элиты особо гордятся своими родственниками, имеющими степень профессора. С. Лунев приводит характерный факт: премьер-министр Индии М. Сингх во время своего официального визита в Россию в 2009 г. встрече с представителями бизнеса России предпочёл встречу с представителями научного и образовательного сообщества России [там же: 71]²⁹. Эксперты полагают, что различные группы интеллектуальной элиты формируют содержательную повестку индийской политики, предлагают решения важнейших общенациональных проблем.

Важной позитивной тенденцией изменения социальной структурой, которые проецируются на политическую сферу, представляется возрастание численности среднего класса. Важно то, что в Индии происходят не только количественные изменения среднего класса, но качественные — пополнение его состава за счёт работников новых развивающихся высокотехнологичных отраслей. Так, Индия сейчас производит примерно 44 % мировой ИТ-продукции. Предполагается, что этот показатель дойдёт до 70 %. Главным двигателем развития этой отрасли являются индийские ИТ-специалисты, которые пополняют индийский средний класс. Индийские ИТ-специалисты получают 15–30 тыс. долларов в год, тогда как приличной в Индии считается месячная зарплата в 60 долларов, а в сельском хозяйстве страны средняя ежемесячная зарплата — всего 10 долларов. Существенной сложностью роста численности среднего класса в Индии является утечка мозгов — отъезд высококвалифицированных специалистов. Так, если один врач индийского происхождения приходился на 1325 граждан Соединённых Штатов, то в самой Индии — на 2400 человек. Несомненно, качественно новый средний класс проявляет себя в политическом качестве — в качестве перспективного пула рекрутирования политической элиты.

Важнейшими институциональными каналами карьерного продвижения политиков являются политические партии, а важнейшим механизмом — конкурентные парламентские выборы. Парламент предстаёт ключевой институциональной площадкой артикуляции и продвижения различных политических сил. Именно смена правительств по итогам выборов даёт основание для определения Индии как самой крупной демократии в мире.

Другим аргументом в пользу признания демократичности индийской политики предстаёт преимущественно согласовательный формат разрешения политических противоречий и конфликтов. При этом подобный согласовательный формат характерен для решения стратеги-

²⁹ Лунев С. Элитарная парадигма развития (на примере Индии) // Элиты стран Востока. С. 70–71.

ческих проблем, тогда как во взаимодействиях по поводу частных вопросов нередко острые столкновения.

Из других особенностей индийских элит следует отметить крайне слабое участие в политике женщин, немногочисленные представительницы которых занимали высокие посты.

Бизнес-элиты рекрутируются преимущественно из торговых каст. Вектор изменений включает включение в бизнес на значимых позициях представителей низкокастовых слоев. Около десятка индийских бизнесменов входят в числе самых состоятельных людей планеты по версии журнала «Форбс».

Собственно, проект индустриализации Индии был выдвинут интеллектуальной элитой страны, пришедшей к власти после обретения ею независимости. Индустриализация обрела формат планового развития смешанной экономики при преобладании государственного сектора. Этот курс был важнейшим приоритетом различных по партийному профилю правительств 1950–1980-х гг. Главной проблемой страны были масштабная нищета, значительные массивы бедности и неразвитость структуры национальной экономики. В момент обретения независимости ВВП Индии составлял лишь 4 % от мирового, а доход на душу населения — 14 % от среднемирового. Даже в начале 1980-х гг. более 50 % населения страны жили за чертой бедности [Vercueil 2011: 47].

Основной начатой в 1991 г. модернизации стали либерализация экономики и сокращение государственного сектора. Импульсы модернизации были определены негативными тенденциями в развитии экономики, в частности, кризисом платежей по внешним долгам. Концепция модернизации была основана на использовании международных субподрядов и экспорте услуг, связанных с вычислительной техникой и программированием. Предложенный М. Сингхом пакет реформ и курс на открытие индийской экономики не предполагал разрушения сложившейся в предшествующие периоды модели смешанной экономики и государственного регулирования. Однако реформы предполагали значительное усиление частного сектора.

При разночтениях в интерпретации терминов, ключевой задачей Индии выступает достижение нового качества социально-экономического развития. При этом можно зафиксировать как черты сходства, так и отличий в развитии Индии и России. Обе страны начали глубокие экономические реформы в начале 1990-х гг. В обеих странах реформы имели целью повышение конкурентоспособности экономик за счёт их большей маркетизации: содержанием реформ в обеих странах стали либерализация экономик и расширение частного сектора за счёт сокращения госсектора. Правда, алгоритм реформ различался: стартовавшие в 1991 г. В Индии реформы не меняли принципиально сложившуюся ранее модель; реформы проводились постепенно и эволюционно на протяжении 20 лет, не прерываясь даже в случае смены власти. Двадцатилетие реформ показало, что постепенность либерализации экономики и осторожная приватизация (градуализм) оправданы: «Слома модели не было, что предотвратило хаотизацию в экономике и обществе [Брагина 2010: 140].

В ходе экономической либерализации частный капитал существенно расширил свои позиции: уже в 1996 году доля частного сектора в ВВП поднялась до 75 % (по другим данным — до 55 в конце 1990-х гг.). Самым важным итогом двух десятилетий реформ стало повышение темпов роста, которые, несмотря на неустойчивость, в Индии превысили пятипроцентный рубеж, а в 2006–2007 гг. составили 9,4 %, что стало самым высоким показателем за предшествовавшие 18 лет. Произошли сдвиги в структуре ВВП, приближающие ее к современному соотношению секторов — сельское хозяйство менее 20 %, промышленность 25 %, услуги 55 % [Vercueil 2011: 106].

Принципиальной особенностью Индии, отличающей ее от китайского и российского варианта, является представление о модернизации как об объёмной многосоставном и полиаспектном процессе: «неолиберальные» методы управления макроэкономическими процессами

ми...не рассматривались и не рассматриваются как действенная альтернатива тому общему стратегическому замыслу, который одни называют «курсом Неру», а другие — моделью прост плюс развитием. Иначе говоря, социально-политические силы, всерьёз притягивающие на власть в Индии, обязаны считаться и с императивом государства, и с сохранением его общественной автономии» [Володин :146]³⁰.

Индийская модернизация носит анклавный характер на базе развития специализирующихся на развитии современных отраслей территорий, что определено в значительной мере спецификой современной наукоемкой экономики. Анклавный характер индийской модернизации выражается в том, что кластеры инновации сосредоточены преимущественно на севере страны. Научно-технологические «заповедники» часто выглядят как анклавы: на среднего индийца в начале века приходилось всего 5,1 лет обучения. Поэтому одним из важных направлений усилий правительства Индии выступает преодоление контура анклавной модернизации и территориальное расширение knowledge based economy. Важным условием успеха индийской модернизации стал выбор эффективной модели модернизации, центральной идеей которой выступает использование технологических инноваций в качестве локомотива модернизации в целом. Индия к настоящему времени значительно продвинулась в решении данной задачи. Задача превращения страны в мирового лидера в области информационных технологий была поставлена в Индии в 1998. В 2000 году был принят специальный закон об информационных технологиях и создано Министерство связи и информационных технологий, перед которым и была поставлена задача «превратить Индию в сверхдержаву по информационным технологиям к 2008 году». Индийское правительство особое внимание уделяет созданию экономических зон как многопрофильных, так и специальных, в том числе для информационных технологий. В зонах резиденты освобождены от налогов сроком на 5 лет, а в последующие 5 лет предприниматели оплачивают лишь половину налогов. В сфере информационных технологий огромную роль играют парки программных технологий, на 100 % экспортно-ориентированные, на них приходится 80 % всего экспорта ПО. В 2008–2009 финансовом году по экспорту программного обеспечения Индия заняла второе место в мире после США; доля программного обеспечения в общем экспорте Индии превышает 35 %; занятость в сфере информационных технологий выросла с 300 000 чел. в 2000 г. до 2 млн. в 2007 г.

Индийская модель парков опирается на позитивные отношения в треугольнике правительство — бизнес — наука/образование (университеты), а ключевым выступает принцип инкубатора, когда каждая сторона играет свою роль в поощрении исследований, капиталовложений и развития. Государство при этом выполняет функцию катализатора, соединяя усилия государственных, частных, научных и иностранных учреждений и партнёров.

Несмотря на предпринятые условия, пока Индия значительно уступает развитым странам и РФ в сфере фундаментальных исследований. Индийцы оказались очень сильны в прикладных исследованиях, но серьёзно уступают США и России в сфере фундаментальной науки. Концентрация внимания на конкретных сферах позволяет Индии добиваться впечатляющих успехов, но достижение сбалансированного и комплексного развития в сферах науки и высоких технологий остаётся важной перспективной задачей. Связи с зарубежными партнёрами играют огромную роль в научных и технологических успехах индийских учёных (чему целенаправленно помогает индийское правительств, и в этом — ещё одно измерение роли государства в развитии Индии). Именно оно прилагает особые усилия для расширения контактов индийской науки с международным сообществом. Государство увеличивает финансирование совместных проектов, находит иностранных партнёров и т.д., готовых инвестировать в индийскую науку и технику, оплачивает пребывание в Индии зарубежных исследова-

³⁰ Володин А.Г. Индия — политическое пространство экономического роста. С. 146.

телей, обеспечивает долгосрочные зарубежные командировки учёных. Известно, что наиболее активно проходит укрепление связей с США, что связано не только с передовыми позициями этой страны в науке и высоких технологиях, но и с той особой ролью, которую играют связи с индийской диаспорой (24 млн. чел.) за рубежом. Однако лидирующие позиции учёных РФ в ряде ключевых для инновационного развития И. отраслях (математика, физика, химия, биология, биохимия и биотехнологии и др.) актуализируют научное сотрудничество двух стран.

Наукоемкий вектор модернизации Индии определил востребованность активной государственной поддержки. Известный индийский экономист М. Аллювалия подчёркивал, что выход индийской экономики на новый, научно-технический уровень системного равновесия невозможен без квалифицированного, стратегического государственного интервенционизма. Доминирующая роль государства проявляется в настойчивых усилиях по качественному улучшению системы образования. В 1990–2000 гг. доля госрасходов на образование поднялась в ВВП Индии с 3,7 % до 4,1 %, что количественно сближает ее с развитыми странами. Особенно важно то, что в наибольшей степени выросли расходы на начальное образование. Грамотность взрослого населения увеличилась с 49 до 61 %, а в наиболее перспективной возрастной группе от 15 до 24 лет — с 64 до 76 %. Это тем более важно, что более половины населения страны составляют люди до 25 лет (что отличает демографический состав населения Индии и РФ). Индийская молодёжь в целях повышения образовательного уровня активно выезжает за границу. В 2007 г. выходцы из Индии составили 70 % студентов, обучающихся в США, что также связано со знанием английского языка. Это означает, что адекватно описывающей модель развития Индии является формула «рост + развитие», что существенно, так как в современном мире важны не только темпы роста, сколько их содержание, особенно социально-культурная составляющая, которая во многом зависит от финансирования государством общественных благ.

К числу проблем, затрудняющих осуществление модернизации в Индии, можно отнести следующие. Серьёзной проблемой является наличие в экономике весьма объёмного неформального сектора. Хотя его масштаб по понятным причинам трудно определить достоверно, даже его примерные оценки в диапазоне 20–25 %, свидетельствуют, что не менее четверти хозяйства страны выпадает из централизованного учёта. Немалые сложности в осуществлении экономической модернизации создаёт чрезвычайное разнообразие субъектов федераций в Индии. Неравенство между штатами Индии по наделённости природными ресурсами, уровню доходов, численности населения носит качественный характер. Существенны различия между промышленным и с/х секторами, причём контрасты имеют не только социально-экономические измерения, но заметны также в сфере информационно-коммуникационных технологий: в 2007 г. охват ИКТ в расчёте на 100 чел. в городской местности составлял 52,3 %, тогда как в сельской — всего в 5 %. В условиях территориальных различий экономическое укрепление региональных элит нередко сопровождается нарастанием их обращённых к центру политических требований большей самостоятельности; периодически обостряются претензии штатов (в РФ — субъектов) на увеличение бюджетных ассигнований федеральным правительством. Значительные региональные различия подпитывают региональный сепаратизм. Индия терпит немалый ущерб от тлеющего сепаратизма, временами переходящего в террористические акты, такие, как взрывы в пассажирском поезде в 2007 г., в Джайпуре в 2008 г. Даже в день Республики 26 января 2007 г. произошли вооружённые выступления сепаратистов в штате Ассам.

Существенным ограничителем экономического роста в Индии остаются бедность населения и неравенство в распределении доходов. С одной стороны, 27 % индийского населения находится ниже национальной черты бедности, а 36 % — живут менее, чем на один доллар в

сутки. С другой — в группе развивающихся стран Индия следует непосредственно за Китаем по количеству долларовых миллионеров. Доля беднейших 10 % населения Индии в национальном богатстве ограничена отметкой в 4 %, доля десяти богатейших приближается к 30 %. Если исключить из подсчёта бедные слои, то душевой ВВП оставшихся (примерно пятая часть населения) будет близок к уровню Франции или Бельгии. С учётом же остальных четырёх пятых индийский душевой ВВП становится одним из самых низких в современном мире. Подавляющая часть бедных приходится на низшие касты.

При этом основная проблема неравенства и бедности населения лежит не плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Известный индийский социолог Р. Котхари обоснованно замечал, что нищета в Индии — это «не нищета ресурсов, а нищета справедливости». В Индии, где, несмотря на существующие меры поддержки бедноты (это до трети населения страны) через льготы низшим кастам, «магазины справедливых цен», раздачу продовольственных талонов, эти меры поглощают огромные ресурсы, но не достигают цели, усиливая социальное напряжение в обществе.

***Уроки опыта модернизации стран БРИК,
которые могут рассматриваться как элементы
успешной стратегии модернизационных элит***

Анализ опыта модернизационных успехов стран БРИК показывает, что нет единой модели, обеспечивающей качественный экономический результат при любых обстоятельствах. В частности, представления о безальтернативности классических моделей экономического управления не подтвердились. Веркей подчёркивает, что опыт стран с быстро развивающейся экономикой «противоречит теории свободного обмена... Опыт стран с формирующимися рынками противоречит теории свободного обмена... если бы БРИКС проводили политику, соответствующую теории свободного обмена, то быстрый подъем их экономик не состоялся бы» [Vercueil 2011: 128–135]. Это означает критически важное значение эффективности управления модернизацией, а значит, означает особую роль политического руководства этим процессом — способность эффективного целеполагания и целереализация, адогматичность и способность к гибкой коррекции курса, нейтрализации возникающих в ходе ускоренного роста социальных эффектов. Подтвердилась нетождественность понятий роста и развития: последнее, помимо улучшения свойственных росту *количественных* показателей, предполагает *качественное* развитие ключевых социальных параметров. Важнейшие среди них: высокий уровень человеческого развития (измеряемый Индексом человеческого развития, включающим доход на душу населения; продолжительность жизни, качество образования), технологический и научный потенциал экономики, расходы НИОКР как показатель способности страны к совершенствованию технологий производства.

Рассмотрение опыта руководства модернизацией в странах БРИК позволяет отметить ряд условий, необходимых для экономического успеха:

1. Выбор модели модернизации, релевантной цивилизационным и структурным условиям страны и позволяющей использовать конкурентные преимущества; при этом модели модернизации должны учитывать современные тенденции в трансформации модернизационных моделей.
2. Постепенность и эволюционный характер в осуществлении преобразований;
3. Гибкая коррекция проводимого курса на основании постоянного мониторинга достигаемых на каждом этапе результатов;

4. Значимая роль государства как института, способного к эффективному целеполаганию и целереализации; активная роль государства характеризует также опыт успешных модернизаций в новых индустриальных странах;
5. Использование преимущественно компромиссных стратегий, позволяющих избегать крупномасштабных политических конфликтов;
6. Успех модернизационных стратегий может быть достигнут в рамках различных политических режимов (успех НИС и КНР были достигнуты в условиях авторитарных политических режимов).

Афанасьев М. 1996. *Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М. Воронеж.*

Бендукидзе К. 1998. *В море плавают огромные акулы и едят друг друга // Независимая газета. Приложение НГ-Политэкономика. № 3. Февраль.*

Брагина Е.А. 2010. *Take off по-индийски // Современные условия развития. М.: МГИМО.*

Бюрократия, авторитаризм... 1993. *Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России. Материалы "круглого стола" // Вопросы философии. № 2.*

Варгас Льюса А. 2006. *«Популизма возвращается?» // Россия в глобальной политике. № 2.*

Володин А.Г. Индия — политическое пространство экономического роста.

Гаман-Голутвина О. 2006. *Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: Росспэн, Глава 6.1.*

Гаман-Голутвина О.В. 2006а. *Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе //*

Гаман-Голутвина О. В., Олейник А., ред. 2008. *Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций. — М.: РОССПЭН.*

Гаман-Голутвина О., Пляйс Я., отв. ред. 2006. *Парламентаризм в России и Германии: История и современность — М.: Росспэн.*

Гаман-Голутвина О. 2006б. *Российский парламентаризм: историческая традиция и персональный состав депутатского корпуса // ПОЛИС. № 2–3.*

Гаман-Голутвина О. 1999. *Террариум единомышленников // Независимая газета. 2.06.1999.*

Иноземцев В. 2007. *Призрак конкурентоспособности // независимая газета // 11.04.2007.*

Кара-Мурза А. 1995. *"Новое варварство" как проблема российской цивилизации. М.*

Конференция Совета... 2013. *Конференция Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) «Демократия и меритократия: совместимы ли два принципа?». Москва, 1.07. 2013 г. Стенограмма.*

Корсун В.А. 2011. *Правящая элита современного Китая: тенденции модернизации и архаизации // Элиты стран Востока. Под ред. Другова А.Ю., Малетина Н.П., Новаковой О.В. М.: ИД «Ключ-С».*

Линц Х., Степан А. 1997. *"Государственность", национализм и демократизация // Полис. — 1997. — № 5.*

Лунев С.И. *Элитарная парадигма развития (на примере Индии) // Элиты стран Востока.*

Манхейм К. 1994. *Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. — М.: Юрист.*

Окунева Л.С. 2008. *Бразилия: особенности демократического проекта. М.: МГИМО.*

Политическая система США. М., 2000. С.: 133–134.

Рогов С. М. 2005. Функции современного государства: вызовы для России. *Свободная мысль*, № 7. С. 54

Сергеев М. 2009. *Экономика России подыграла Байдену* // *Независимая газета*. 28.07.2009.

Best H., Cotta M. (eds.) 2000. *Parliamentary Representation in Europe 1848 — 2000. Legislative Recruitment and Careers in Eleven European Countries*. Oxford

Borchert J. and Zeiss J. (eds.), 2003. *The Political Class in Advanced Democracies*. Oxford: Oxford University Press.

Cotta, M. and Best, H. (eds) 2007. *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change and Convergence*, Oxford: Oxford University Press.

Gaman-Golutvina O. *Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective*

Hook J. 2005. 'President Putting "Big" Back in Government', *Los Angeles Times*, Feb. 8, 2005, p. A1.

Jim O'Neill Goldman Sachs, *Dreaming with BRICs: the path to 2050*
<http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/99-dreaming.pdf>

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. — Baltimore—London.

Page C. and Wright V. (ed.). 1999. *Bureaucratic Elites in Western European States. A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford University Press.

Schwarzmantel J.J. 1987. *Structures of Power. An Introduction to Politics*. Brighton: Wheatsheaf Books.

Semenova E., Edinger M. and Best H., eds. 2014. *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe*. Routledge.

Vercueil J. 2011. *Les pays émergents: Brésil-Russie-Inde-Chine... Mutations économiques et nouveaux défis.* - 2-e edit. - P.: Breal.